

Александр Дюма
Семейство Борджа
Серия «История знаменитых преступлений»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178511
Семейство Борджа: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-14737-3

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Александр Дюма Семейство Борджа (1492–1507)

8 апреля 1492 года в одной из спален палаццо Карреджи близ Флоренции у постели умирающего собрались трое.

В изножии одра смерти, прикрывая лицо золотым парчовым пологом, чтобы скрыть слезы, сидел Эрмолао Барбаро,¹ автор трактата «О безбрачии» и «Записок о Плинии», который, будучи в прошлом году в Риме в качестве посла Флорентийской республики, был назначен указом папы Иннокентия VIII патриархом Аквилейским.

Второй, стоявший на коленях и державший руку умирающего, был Анджело Полициано,² Катулл XV века, литератор блистательного и почти античного ума, стихи которого можно было принять за сочинения поэта времен Августа.

И наконец, прислонившись к витому столбику изголовья и с грустью следя за признаками угасания на лице больного, стоял прославленный Пико делла Мирандола³ – человек, который в двадцатилетнем возрасте разговаривал на двадцати двух языках и вызвался ответить на семьсот вопросов двадцати самых образованных людей в мире, если бы таковых удалось собрать во Флоренции.

Что же до умирающего, то это был Лоренцо Великолепный:⁴ подхватив в начале года жесточайшую лихорадку, усугубленную наследственной подагрой, и видя, что питье из растворенного жемчуга, которым пользовал его шарлатан Леони ди Сполето – вероятно, он приготавливал лекарство, руководствуясь богатством больного, а не его потребностями, – видя, что питье это не помогает, Лоренцо понял, что пора ему проститься с нежными женщинами, сладкогласными поэтами и пышными дворцами, и велел привести к нему доминиканца Джироламо Франческо Савонаролу,⁵ чтобы испросить у него отпущение грехов, кои у человека менее высокопоставленного были бы, пожалуй, расценены как преступления.

Впрочем, любострастный узурпатор не без внутреннего страха, против которого были бессильны хвалы его друзей, ожидал этого неистового и сурового проповедника, чьи слова потрясали всю Флоренцию и на чье прощение для будущей загробной жизни надеялся теперь Лоренцо Великолепный. Савонарола был одним из тех нестигаемых людей, которые, подобно статуе Командора, стучатся в разгар пиршеств и оргий в двери к сластолюбцам, напоминая, что пора уже подумать о небесах. Родившийся в Ферраре, куда его семейство, одно из самых знаменитых в Падуе, было призвано маркизом Никколо д'Эсте, он в возрасте двадцати трех лет по настоятельному велению сердца убежал из родительского дома и удалился в монастырь доминиканцев во Флоренции. Там настоятель поручил ему учить монахов философии, и молодой послушник был вынужден, прежде всего, бороться со своим физическим недостатком – слабым, скрипучим голосом и невнятным произношением, а также с постоянным упадком сил, проистекавшим от слишком сурового умерщвления плоти.

С той поры Савонарола приговорил себя к почти полному уединению и исчез в недрах монастыря, словно могильная плита уже опустилась над ним. Проводя все время на коленях, в молитвах перед деревянным распятием, воспаляемый постоянными бдениями и пока-

¹ Барбаро, Эрмолао (1454–1493) – итальянский литератор.

² Полициано, Анджело (1454–1494) – итальянский поэт-гуманист.

³ Пико делла Мирандола, Джованни (1463–1494) – итальянский философ-гуманист.

⁴ Лоренцо Медичи Великолепный (1449–1492) – правитель Флоренции с 1469 г., поэт.

⁵ Савонарола, Джироламо Франческо (1452–1498) – настоятель монастыря доминиканцев во Флоренции, выступал против тирании Медичи, призывал к аскетизму, осуждал гуманистическую культуру, сожжен на костре.

яниями, он вскоре от созерцательности перешел в состояние экстаза и начал чувствовать в себе тайную и пророческую силу, призывающую его проповедовать реформацию церкви.

Реформация Савонаролы, с которой он опередил Лютера лет на двадцать пять, была более мягкой: он с почтением относился к существующему порядку вещей и нападал лишь на людей; его целью было изменить догматы человеческой морали, а не божественную веру. Он действовал не рассудочно, как немецкий монах, а лишь по наитию. Логика у него всегда уступала место вдохновению, и сам он был не богослов, но пророк.

Он склонял голову перед авторитетом церкви, обрушиваясь на светскую власть. Религия и свобода представлялись ему одинаково чистыми святынями, поэтому для него преступником был и Лоренцо – поскольку пытался поработить первую, а папа Иннокентий XIII – поскольку оскорблял вторую. В результате, пока Лоренцо жил в богатстве, довольстве и великолепии, Савонарола ни разу не соизволил, хотя такой случай представлялся ему неоднократно, почтить своим присутствием человека, стоящего у власти, по его мнению, незаконно. Но когда Лоренцо позвал его, находясь на смертном одре, это было другое дело. Суровый проповедник тут же пустился в путь, босой и с непокрытой головой, надеясь не только спасти душу умирающего, но и вернуть республике свободу.

Как мы уже говорили, Лоренцо ожидал Савонаролу с нетерпением и тревогой, и когда в коридоре слышались шаги доминиканца, лицо умирающего покрылось смертельной бледностью, и, приподнявшись на локте, он жестом попросил троих друзей удалиться. Едва они скрылись за дверью, как занавес, закрывающий другую дверь, раздвинулся, и на пороге вырос монах, бледный, неподвижный, мрачный. Завидя этого неумолимого, как каменная статуя, человека, Лоренцо Медичи упал на подушки и издал глубокий вздох, словно последний в жизни.

Словно желая убедиться, что он с умирающим один на один, монах окинул спальню взглядом, после чего медленно и торжественно прошествовал к ложу. Лоренцо с ужасом следил за ним и, когда тот приблизился, вскричал:

– Я великий грешник, отец мой!

– Милосердие Господне не имеет границ, а мне дана над тобою божественная власть, – ответил монах.

– Так вы считаете, что Господь простит мои грехи? – воскликнул умирающий, к которому при столь неожиданных словах монаха вернулась надежда.

– Господь простит тебе твои грехи и преступления, – отозвался Савонарола. – Господь простит тебе грехи – твои суетные радости, прелюбодейственные наслаждения, непристойные празднества. Господь простит тебе твои преступления – две тысячи флоринов, которые ты обещал за голову Дьетисальви, Нероне Неджи, Анджело Антинори, Никколо Содерини, равно как вдвое большую сумму, обещанную тому, кто приведет тебе их живыми; Господь простит, что ты отправил либо на эшафот, либо на виселицу сына Папи Орланди, Франческо ди Бризигеллу, Бернардо Нарди, Якопо Фрескобальди, Аморетто Бальдовинетти, Пьетро Бальдуччи, Бернардо ди Баудино, Франческо Фрескобальди и еще человек триста не столь благородного происхождения, как те, но не менее любимых во Флоренции.

Савонарола медленно произносил эти имена, глядя на умирающего, и тот всякий раз вздрагивал: память не подводила монаха. Когда тот умолк, Лоренцо с оттенком сомнения переспросил:

– Вы полагаете, отец мой, что Господь простит мне все – и грехи и преступления?

– Все, – ответил Савонарола, – но только при трех условиях.

– Каких же? – спросил умирающий.

– Во-первых, ты должен во всем положиться на могущество и милосердие Господне, – проговорил Савонарола.

– Отец мой, – с живостью отозвался Лоренцо, – я всем сердцем уповаю на Господа.

– Во-вторых, – продолжал монах, – ты должен отдать назад несправедно отобранную у других собственность.

– Но достанет ли мне времени, отец мой? – спросил умирающий.

– Господь тебе его предоставит, – ответил Савонарола.

Лоренцо прикрыл глаза, несколько мгновений размышлял, после чего ответил:

– Я сделаю это, отец мой.

– И в-третьих, – продолжал Савонарола, – ты должен вернуть республике ее бывшие независимость и свободу.

Судорожным движением Лоренцо сел в постели, всматриваясь в глаза монаха: правильно ли он его понял? Савонарола слово в слово повторил только что сказанное.

– Нет! Никогда! – упав на подушки, вскричал Лоренцо и покачал головой. – Никогда! Не произнеся ни слова, монах повернулся к двери.

– Отец мой! Отец мой! – воскликнул умирающий. – Не оставляйте меня, жальтесь!

– Это ты жалься над Флоренцией, – отвечал Савонарола.

– Но, отец мой! – вскричал Лоренцо. – Флоренция свободна, Флоренция счастлива!

– Флоренция в рабстве и нищете! – в свой черед вскричал Савонарола. – У нее нет талантов, нет денег, нет мужества. Нет талантов, потому что после тебя, Лоренцо, придет твой сын Пьеро, нет денег, потому что на средства республики ты поддерживал великолепие своего семейства и кредит своих банков; нет мужества, потому что ты отнял у магистратов данную им конституцией власть и заставил своих сограждан свернуть с пути как военной, так и гражданской деятельности, на котором, до того как ты развратил их роскошью, они развивали в себе античные доблести, и теперь, когда однажды, – продолжал монах, словно читая своим горящим взглядом в будущем, – с гор спустятся варвары, стены наших городов, подобно стенам Иерихона, рухнут при звуках их труб.

– Вы хотите, чтобы я, находясь на ложе смерти, отказался от могущества, составляющего всю славу моей жизни? – вскричал Лоренцо Медичи.

– Не я хочу этого, но Господь, – сухо ответил Савонарола.

– Нет, это невозможно! Невозможно! – прошептал Лоренцо.

– Что ж, умирай тогда так же, как жил, – воскликнул монах, – в окружении придворных и льстецов! И пусть вместе с телом погибнет и твоя душа!

С этими словами непреклонный доминиканец, не слушая более криков умирающего, вышел из спальни с тем же выражением лица, с каким он входил в нее; казалось, разум его, отрешившись от всего земного, парит над человеческой суетностью.

На крик, который после его ухода издал Лоренцо Медичи, Эрмолао, Полициано и Пико делла Мирандола, слышавшие весь разговор, вернулись в комнату и увидели, что их друг судорожно сжимает в руках прекрасное распятие, отломанное им от изголовья кровати. Они попытались успокоить его словами дружеского утешения, но тщетно: Лоренцо Великолепный лишь захлебывался рыданиями, а часом позже описанной сцены, в последнем поцелуе прижав губы к стопам Иисуса, испустил дух на руках у трех друзей, самый удачливый из которых – а все они были молоды – пережил его всего на два года.

По словам Никколо Макиавелли, небо, словно в знак того, что смерть Лоренцо должна была повлечь за собою великие беды, не поскупились на предзнаменования: в купол церкви Санта-Репарата ударила молния, а Родриго Борха был выбран папой римским.

В конце XV века, то есть в ту пору, когда начинается наше повествование, площадь Святого Петра в Риме еще не являла собою того грандиозного зрелища, которое представляется сегодня глазам человека, выходящего на нее с площади Рустикуччи.

Базилики Константина тогда уже не было в помине, а собора Святого Петра – шедевра тридцати пап, строившегося в течение трех веков и стоившего двести шестьдесят миллио-

нов, еще не существовало. Старую постройку, простоявшую тысячу сто сорок пять лет и к 1440 году грозившую рухнуть, велел снести папа Николай V, этот предшественник Юлия II и Льва X по части градостроения. Так же он поступил и с храмом Проба Аниция, примыкавшим к базилике, после чего повелел архитекторам Росселини и Баттисто Альберти заложить на этом месте новый собор; однако через несколько лет Николай V умер, а уроженец Венеции Павел II смог выделить на продолжение работ лишь пять тысяч золотых, в результате чего едва возвышающиеся над землей стены казались мертворожденными, а постройка – зрелищем еще более печальным, нежели руины.

Что же до самой площади, то, как следует из данного нами пояснения, на ней еще не было ни прекрасной колоннады Бернини, ни бьющих ключом фонтанов, ни египетского обелиска, который, если верить Плинию, был воздвигнут в Гелиополисе фараоном Нункором, а затем перевезен Калигулой в Рим и установлен в цирке Нерона, где находился вплоть до 1586 года; поскольку же цирк Нерона был расположен именно там, где ныне возвышается собор Святого Петра, а пьедестал обелиска – на месте нынешней ризницы, то выглядел он, как гигантская игла, торчащая среди недостроенных колонн, разновысоких стен и полуобтесанных глыб камня.

Справа от этих юных руин высился Ватикан, великолепная Вавилонская башня, над сооружением которой в течение тысячи лет трудились самые прославленные архитекторы римской школы; в то время там еще не было обеих чудесных капелл, двенадцати огромных залов, двадцати двух башен, тридцати лестниц и двух тысяч комнат – и все потому, что папа Сикст V, сей блистательный свинопас,⁶ успевший за пять лет своего правления сделать так много, не выстроил тогда еще громадный дворец, восточная стена которого возвышается над двором церкви Святого Дамасия: тогда там был лишь старый дворец, помнивший древние времена, когда в его стенах останавливался Карл Великий, приехавший для венчания его императорской короной к папе Льву III.

Впрочем, 9 августа 1492 года жители Рима – от ворот дель Пополо до Колизея и от терм Диоклетиана до замка Святого Ангела – казалось, условились встретиться на этой площади: собравшаяся там толпа была столь многочисленна, что заполнила и близлежащие улицы, лучами звезды сходящиеся к площади, которая напоминала живой разноцветный ковер: люди заполнили недостроенный храм, забираясь на каменные глыбы, висая на колоннах и облепив стены, заходили в двери домов и появлялись в окошках в таком количестве, что казалось, будто проемы заложены человеческими головами. Глаза всех были устремлены в сторону Ватикана: поскольку Иннокентий VIII умер уже более двух недель назад, конклав⁷ избирал нового папу.

Рим – это город выборов: со дня его основания и донныне, то есть на протяжении почти двадцати шести столетий, там постоянно избирались цари, консулы, трибуны, императоры и папы, и в дни заседаний конклава Рим всегда охвачен необъяснимой лихорадкой, толкающей людей к Ватикану или Монте-Кавалло в зависимости от того, в котором из этих дворцов заседает ассамблея в алых мантиях; возведение на престол нового папы и в самом деле имеет для всех весьма важное значение, так как, начиная от святого Петра и кончая Григорием XVI,⁸ правление каждого главы римско-католической церкви длится в среднем восемь лет, которые в зависимости от характера избранного представляют собой период покоя или неразберихи, справедливости или взяточничества, мира или войны.

И, должно быть, никогда – начиная с первого преемника святого Петра на папском престоле и кончая этим междуцарствием – народ не тревожился так сильно, как в тот миг, когда

⁶ Сикст V (Феликс Перетти) (1521–1590) – римский папа с 1585 г., по преданию, в детстве пас свиней.

⁷ Конклав – собрание кардиналов для выборов нового папы римского.

⁸ Григорий XVI (Бартоломео Мауро Капеллари) (1765–1846) – римский папа с 1831 г., то есть современник Дюма.

мы изобразили его толпящимся на площади Святого Петра и прилегающих к ней улицах. У людей были для того основания: Иннокентий VIII, прозванный «отцом народа», поскольку он увеличил число своих подданных на восемь сыновей и столько же дочерей, окончил, как мы уже говорили, свою проведенную в неге жизнь после агонии, во время которой, если верить дневнику Стефано Инфессуры,⁹ на улицах Рима было совершено двести двадцать убийств. Власть по обыкновению перешла к кардиналу-камерлингу,¹⁰ ставшему правителем на период междуцарствия, но поскольку он должен был отправлять все обязанности, присущие его должности, – чеканить монету с именем и гербом покойного, снять у него с пальца перстень с печатью наместника святого Петра, облачить, побрить, нарумянить и набальзамировать труп, через девять дней поместить гроб с усопшим во временную нишу, где он должен находиться до тех пор, пока престол не займет новый папа и не предаст его земле, и, наконец, замуровать дверь в помещение, где собрался конклав, а также выход на балкон, откуда провозглашается имя вновь избранного, – словом, у занятого всеми этими делами камерлинга на полицию просто не хватало времени, и убийцы преспокойно продолжали свои черные дела, пока возмущенный народ не стал требовать твердой руки, которая заставила бы злодеев вложить мечи и кинжалы в ножны.

Итак, глаза толпившихся на площади людей были устремлены на Ватикан, точнее, на одну из труб на крыше, где должен был появиться первый сигнал. Внезапно в час «Ave Maria», то есть когда уже начало смеркаться, в толпе послышались громкие возгласы и взрывы смеха; кое-где стали раздаваться глухие угрозы, кое-где злые насмешки: над трубой взвился небольшой клуб дыма и легким облачком растворился в воздухе. Это означало, что Рим остается пока без повелителя, а мир без папы: в камине жгли избирательные записки, так как кардиналы все еще не пришли к общему мнению.

Едва облачко дыма появилось и тут же исчезло, как многотысячная толпа, понимая, что ждать больше нечего, во всяком случае до десяти утра следующего дня, когда кардиналы вновь приступят к голосованию, начала с шумом и смехом расходиться, словно после завершающего залпа фейерверка, причем проделано было это столь быстро, что там, где четверть часа назад бушевало людское море, теперь осталось лишь несколько зевак, по-видимому, живших неподалеку и потому не так спешивших домой. Потом незаметно рассосались и последние кучки людей, а поскольку уже пробило девять с половиной вечера, римские улицы начали становиться небезопасными, и лишь одинокие прохожие нарушали их тишину торопливыми шагами; одно за другим стали гаснуть окна, и к десяти часам дома, площади и улицы погрузились в глубокий мрак, если не считать одного окошка в Ватиканском дворце, где упорно горел свет.

И тут подле одной из колонн недостроенного храма, словно тень, появился человек в плаще; медленно и осторожно пройдя между каменными глыбами фундамента, он приблизился к фонтану в центре площади, помещавшемуся там, где теперь возвышается упомянутый нами обелиск, остановился, огляделся, скрытый ночью тьмой и тенью фонтанной статуи, и, убедившись, что поблизости никого нет, вытащил из ножен меч и трижды ударил им по мостовой, всякий раз высекая из булыжника снопы искр. Сигнал – а это был именно сигнал – не остался незамеченным: горевшая в одном из окон Ватиканского дворца лампа погасла, и в тот же миг брошенный оттуда чьей-то рукой предмет упал в нескольких шагах от человека в плаще, который тут же по раздавшемуся серебряному звону нащупал его в потемках и поспешно удалился.

Дойдя не оборачиваясь до середины Борго-Веккьо, незнакомец свернул направо, где в конце улочки находилась статуя Богородицы с лампадой перед нею; приблизившись к свету,

⁹ *Инфессура, Стефано* – секретарь римского сената в конце XV в.

¹⁰ *Камерлинг* – кардинал, занимающийся делами святейшего престола до избрания нового папы.

человек в плаще извлек из кармана подобранный предмет, который оказался не чем иным, как римским золотым, правда, не совсем обычным: он состоял из двух половинок с полостью внутри. Достав оттуда письмо, тот, кому оно было адресовано, принялся читать, подвергая себя опасности быть узанным – так ему не терпелось ознакомиться с посланием.

Мы упомянули об опасности быть узанным: дело в том, что в спешке ночной получатель письма откинул назад капюшон плаща, и его голова оказалась в кругу света, отбрасываемого лампадой. Теперь было видно, что это – молодой человек лет двадцати пяти, приятной наружности, одетый в фиолетовый полукафтан с прорезями на плечах и локтях, откуда выглядывала сорочка; на голове у него красовалась черная шапочка с такого же цвета пером, спускавшимся на плечо. Стоял он под лампадой, впрочем, недолго: дочитав письмо или, вернее, записку, полученную столь необычным и таинственным манером, он поместил ее в отделанный серебром бумажник и, накинув капюшон, так, что почти все лицо оказалось закрытым, быстрым шагом миновал Борго-Сан-Спирито и по улице делла Лонгара добрался до церкви Реджина-Чели. Там он трижды постучал в дверь красивого дома, которая тут же отворилась, и, проворно взбежав по лестнице, вошел в комнату, где его с нетерпением ожидали две женщины. Завидя вошедшего, они в один голос воскликнули:

– Какие новости, Франческо?

– Добрые, матушка, добрые, сестрица, – ответил молодой человек, поцеловав одну женщину и пожав руку другой. – Сегодня отец получил три голоса, но чтобы у него было большинство, еще не хватает шести.

– Неужто их невозможно купить? – вскричала старшая из женщин, тогда как другая лишь вопросительно взглянула на молодого человека.

– Напротив, матушка, напротив, – отвечал он, – отец об этом уже подумал: кардиналу Орсини он отдает свой дворец в Риме и два замка – Монтичелло и Сориано, кардиналу Колонна – аббатство Субиако, кардиналу Сант-Анджело – епископство Порто со всей обстановкой и винным погребом, кардиналу Пармскому – город Непи, кардиналу Генуэзскому – церковь Санта-Мария-ин-виа-Лата, а кардиналу Савелли – церковь Санта-Мария-Маджоре и город Чивита-Кастеллана; что же до кардинала Асканио Сфорца, то он уже знает, что позавчера мы отправили к нему четырех мулов, груженных серебром и посудой, причем из этого серебра он взялся передать пять тысяч дукатов кардиналу-патриарху Венецианскому.

– Но как они все узнают о намерениях Родриго? – спросила старшая из женщин.

– Отец все предусмотрел и открыл нам простое средство: вам известно, матушка, каким образом кардиналам доставляют обед?

– Ну как же: вносят на носилках корзину с гербом того, кому она предназначена.

– Отец подкупил епископа, который приносит ему еду. Завтра день скоромный: кардиналам Орсини, Колонна, Савелли, Сант-Анджело, Пармскому и Генуэзскому принесут жареных цыплят, и в каждом будет лежать написанная мною от имени отца дарственная записка по всей форме на дома, дворцы и церкви, которые предназначены для них.

– Чудесно, – одобрила старшая из женщин, – теперь, я уверена, все будет хорошо.

– И милостью Божией, – отозвалась младшая с насмешливой улыбкой, – наш отец станет папой.

– О, это будет для нас великий день! – воскликнул Франческо.

– Не только для нас, но и для всего христианского мира, – с еще большей язвительностью добавила его сестра.

– Лукреция, Лукреция, – укоризненно проговорила мать, – ты не заслуживаешь этого грядущего счастья.

– Какая разница? Оно все равно нас не минует. К тому же, матушка, вы знаете, что говорит пословица: «Большие семьи Бог благословляет». А нашу-то уж в первую очередь: ведь по численности она напоминает семью какого-нибудь патриарха.

С этими словами она бросила на брата взгляд столь похотливый, что тот зарделся, но поскольку сейчас ему было не до кровосмесительных любовных похаждений, молодой человек велел разбудить четверых слуг, и пока те одевались и брали оружие, чтобы сопровождать хозяина на ночных улицах, составил и подписал шесть дарственных записок, которые должны были назавтра попасть к кардиналам; он не хотел, чтобы его у них видели, и решил воспользоваться ночью, чтобы передать записки надежным людям, взявшимся переправить их кардиналам. Покончив с записками, Франческо вместе со слугами ушел, оставив женщин предаваться золотым мечтам о будущем величии.

На рассвете народ, горя желанием узнать новости, снова заспешил на площадь перед Ватиканским дворцом, где в условленный час, то есть в десять утра, над трубой опять взвился дымок, который вызвал насмешки и ропот и означал, что ни один из кардиналов и в этот раз не собрал большинство голосов. По площади пронесся слух, что шансы разделились между тремя кандидатами – Родриго Борджа, Джулиано делла Ровере и Асканио Сфорца: народ еще не знал о четырех мулах с посудой и серебром, направленных в дом последнего, благодаря чему тот уступил свой голос сопернику. В возбужденный гул, вызванный очередным разочарованием, вплелись церковные песнопения: это была процессия, возглавляемая кардиналом-камерлингом и призванная испросить у небес помощи в скорейшем избрании папы; она двигалась от церкви Ара-Чели на Капитолийском холме, останавливаясь возле наиболее чтимых статуй Богородицы и часто посещаемых храмов. Увидев возвышающееся во главе процессии серебряное распятие, люди как один умолкли и преклонили колени: всеобщая сосредоточенность сменила гомон, который слышался еще несколько минут назад и с каждым новым появлением дымка над ватиканской трубой делался все более грозным. Возможно, многим пришла в голову мысль, что процессия, кроме религиозных, преследовала также и политические цели и что ее значение для земли столь же велико, что и для небес. Как бы там ни было, если у кардинала-камерлинга были именно такие намерения, то он вполне преуспел и добился желаемого результата: когда процессия прошла, шутки и смех возобновились, однако крики и угрозы стихли совершенно.

Так прошел весь день; в Риме никто никогда не работает, что кардинал, что лакей живут совершенно непонятно как. Многочисленная толпа гудела на площади, когда около двух часов пополудни появилась другая процессия, и насколько первая утихомирила людей, настолько эта – процессия с обедом для конклава – привела их в возбуждение. Народ по обыкновению встретил ее взрывами хохота, не догадываясь в своей непочтительности, что эта процессия будет более действенна для выборов нового папы.

Прозвонили к вечерней молитве: как и накануне, день прошел напрасно; в половине девятого над крышей опять появился клуб дыма. Однако поскольку до толпы тут же долетел слух из дворца, что, по всей вероятности, выборы состоятся на следующий день, славный народ решил набраться терпения. К тому же днем было невероятно жарко, и люди, привыкшие нежиться в тени, так устали под раскаленным солнцем, что на крики у них уже не хватило сил.

Следующий день, 11 августа 1492 года, выдался ветреным и хмурым, что не помешало людям заполнить площади, улицы, храмы, дверные проемы и окна домов. Такую погоду все сочли истинным благословением Божиим: было, правда, тепло, но зато пасмурно.

К девяти часам над всем Трастевере¹¹ начала собираться страшная гроза, но что за дело было людям до грома, молнии и дождя? Их занимало другое: они ждали обещанного на этот день папу; по настроению их было видно, что если выборы не состоятся и сегодня, то вспыхнет бунт, и по мере того, как время шло, толпа волновалась все сильнее. Девять часов, половина десятого, десять без четверти – а людям так и не говорят ни да, ни нет;

¹¹ *Трастевери* – район Рима, расположенный на правом берегу Тибра.

наконец, начало бить десять, и все взгляды устремились к трубе на крыше. Колокол медленно отсчитывал удары, каждый из которых отдавался в сердцах людей. Когда же отгудел десятый удар, после секундной тишины из тысяч грудей вырвался крик: «Non v'è fumo! Дыма нет!» Это означало: у нас есть папа.

В этот миг хлынул дождь, но на него никто не обратил ни малейшего внимания – такие радость и возбуждение охватили всех. Наконец от замурованного выхода на балкон отвалился небольшой камешек, и тут же на него устремились тысячи глаз, а его падение на землю было встречено ликующим воплем. Мало-помалу отверстие стало расширяться, пока не сделалось достаточно большим, чтобы через него мог протиснуться человек.

И вот в проломе появился кардинал Асканио Сфорца: напуганный ливнем и грозой, он чуть помедлил и отступил назад, но сразу же разразилась новая буря: народ вопил, рычал, сыпал проклятия и угрозы разнести дворец в щепки, чтобы добраться до своего папы. Кардинал Сфорца, напуганный гневом народным больше, нежели небесным, вышел на балкон и между двумя ударами грома, в миг, когда толпа на несколько секунд почему-то затихла, возгласил:

– Объявляю вам радостную весть: высокопреосвященнейший синьор Родриго Лансоль Борджа, архиепископ Валенсийский, кардинал-настоятель церкви Сан-Николао-ин-Карчере, вице-канцлер церкви, только что избран папой и принял имя Александра Шестого.

Весть об этом избрании была встречена со странной радостью. Родриго Борджа славился как человек беспутный, это так, однако свобода нравов появилась на престоле вместе с Сикстом IV и Иннокентием VIII, поэтому для римлян не было ничего необычного в том, что у папы есть любовница и пятеро детей. В данную минуту им было важно, что власть попала в крепкие руки, но еще важнее для спокойствия Рима было то, что новый папа унаследовал не только ключи святого Петра, но и меч святого Павла.

Во время данных по сему случаю празднеств атмосфера царила скорее воинственная, нежели религиозная, и более пристала бы вступающему в должность юному полководцу, чем пожилому папе; имя Александра, обыгрываясь в многочисленных славословиях, казалось, вторично сулило Риму мировое господство. В тот же вечер среди роскошной иллюминации и потешных огней, сделавших город похожим на горящее озеро, под восторженные крики толпы было прочитано следующее посвящение:

Прославил Цезарь Рим победами по праву
И целый мир ему слугою быть обрек,
Но с Александром мир достигнет вящей славы:
Как Цезарь смертным был, так Александр есть Бог.

Что же до новоизбранного папы, то, выполнив положенные по церемониалу формальности и раздав обещанные взятки, он устремил взоры с высот Ватиканского холма на Европу, эту громадную политическую шашечницу, на которой ему хотелось испытать свои таланты.

В те поры мир вступил в переходный период, знаменующий конец одной эры и начало другой: Турция на востоке, Испания на юге, Франция на западе и Германия на севере по праву великих наций начали пытаться распространить свое влияние на более мелкие государства. Давайте же вместе с Александром VI окинем взглядом эти страны и посмотрим, каково было их отношение к Италии, за которую они боролись как за желанную добычу. Константин Палеолог,¹² осажденный трехсоттысячной турецкой армией, так и не дождавшись помощи со стороны стран христианского мира, не захотел пережить свою империю и был найден среди мертвых у ворот Тофана, и 30 мая 1453 года Мехмед II вступил в Кон-

¹² Константин XI (1403–1453) – последний византийский император из династии Палеологов.

стантинополь, где после правления, за которое он получил прозвище Фатих (Завоеватель), скончался, оставив после себя двоих сыновей, старший из которых сел на трон под именем Баязида II.

Однако вступление на царство нового султана вовсе не сопровождалось тем спокойствием, которое, казалось, обещало ему старшинство и выбор отца. Его младший брат Джем, более известный под именем Зазим, стал оспаривать трон, обосновывая это тем, что именно он является порфирородным, то есть рожденным во время царствования Мехмеда, тогда как Баязид, родившийся раньше, всего лишь сын обычного человека. Это было гнусное крючкотворство, но там, где сила – все, а закон – ничто, его оказалось достаточно, чтобы развязать войну. Возглавляемые братьями армии встретились в азиатской части страны в 1482 году. После битвы, длившейся семь часов, Джем был обращен в бегство и, преследуемый братом, который не дал ему времени вновь собрать армию, высадился на Сицилии, после чего отправился на Родос, где попросил убежища у госпитальеров,¹³ но те, опасаясь оставить Джема у себя на острове, так близко от Азии, отправили его во Францию, где с великими заботами поместили в одно из своих командорств, несмотря на настояния египетского султана Каит-бея, который восстал против Баязида и, желая придать своему мятежу подобие законной войны, хотел иметь в своем войске молодого принца. Та же просьба и с теми же политическими целями высказывалась впоследствии Матьяшем Корвином, королем Венгерским, Фердинандом, королем Арагонским и Сицилийским, а также Фердинандом, королем Неаполитанским.¹⁴

Понимая, что, вступив в союз с одним из государей, с которыми Турция вела войну, брат станет для него опасным соперником, Баязид направил послов к французскому королю Карлу VIII¹⁵ и предложил ему за то, что тот будет удерживать Джема у себя, солидное вознаграждение ему и суверенитет над Святой землей для Франции, как только Иерусалим будет отвоеван у египетского султана. Французский король принял предложение.

Но тут вмешался папа Иннокентий VIII и в свою очередь заявил претензии на Джема под тем предлогом, что тот как изгнанник поможет ему организовать крестовый поход против турок, но на самом деле желая получить ежегодный доход в сорок тысяч дукатов, назначенный Баязидом тому из христианских государей, кто возьмется стать тюремщиком его брата. Карл VIII не осмелился перечить духовному пастырю христианского мира, движимому столь святыми побуждениями, и Джем покинул Францию в сопровождении великого магистра д'Обюссона, заботам которого госпитальеры поручили принца и который за кардинальскую мантию согласился отдать своего пленника. В результате 13 марта 1489 года несчастный молодой человек, на котором столкнулось столько различных интересов, торжественно въехал в Рим – верхом на превосходной лошади, одетый в пышный восточный наряд и в сопровождении приора Овернского, племянника великого магистра д'Обюссона, а также Франческо Чибо, сына папы.

С той поры он так и остался в Риме, а Баязид, верный своему обещанию, выполнять которое было в его же интересах, стал платить главе римско-католической церкви ровно сорок тысяч дукатов.

Так обстояли дела в Турции.

В Испании правили Фердинанд и Изабелла, создавая основы того могущества, которое двадцать пять лет спустя позволило Карлу V заявить, что в его государстве никогда не

¹³ Католический рыцарский монашеский орден, основанный в XII в.; название – от госпиталя Святого Иоанна в Иерусалиме, первоначальной резиденции ордена.

¹⁴ *Матьяш Хуньяди (Матвей Корвин)* (1443–1490) – король Венгерского королевства с 1458 г.; *Фердинанд II Арагонский* (1452–1516) – король Арагона с 1479 г., Сицилии с 1468 г.; *Фердинанд I* – король Неаполитанского королевства с 1458 по 1494 г.

¹⁵ *Карл VIII* (1470–1498) – король Франции с 1483 г.

заходит солнце. Эти два государя, которых у историков принято называть Католиками, покорили всю Испанию и выгнали мавров из Гранады – их последнего оплота. В то же время два великих человека – Бартоломеу Диаш¹⁶ и Христофор Колумб сослужили Испании добрую службу: один отыскал потерянный мир, другой покорил мир неведомый. Благодаря завоеваниям, сделанным в древних странах, и открытию новых Испания приобрела в папской курии такое влияние, какого никогда раньше не имела.

Так обстояли дела в Испании.

Во Франции 30 августа 1483 года Карл VIII вступил на престол после своего отца Людовика XI,¹⁷ который благодаря многочисленным казням оставил наследнику вполне покорное королевство, как оно и должно быть, когда на трон садится ребенок с женщиной-регентом за спиной. Впрочем, регентство оказалось славным: принцам крови в их притязаниях было отказано, а в результате гражданских войн к короне присоединены до сих пор независимые крупные уделы. В описываемые нами времена почти двадцатидвухлетний Карл VIII был, если верить Ла Тремуйлю, государь, невеликий телом, но великий душой; если верить Коммину, это был непоседливый молодой человек, лишенный здравого смысла и денег, слабый, своевольный и окруженный преимущественно глупцами; если же верить Гвиччардини,¹⁸ который как итальянец мог быть несколько пристрастен в своих суждениях, Карл был бестолков, вечно охвачен горячим желанием побеждать и завоевать себе славу, желанием, основанным скорее на легкомысленности и пылкости, нежели на уверенности в своих талантах; кроме того, он не любил делать какие-либо усилия и вообще заниматься делами, но когда занимался, выказывал отсутствие благоразумия и рассудительности. Если что-то на первый взгляд казалось ему достойным похвалы, то, присмотревшись, он убеждался, что вещь эта скорее скверная, нежели добрая. Карл был щедр, это верно, но опрометчив и в щедрости своей не знал удержу. В его характере присутствовала известная твердость, но от упрямства, а не от настойчивости; льстецы называли его добрым, однако это свойство вернее было бы назвать равнодушием к оскорблениям или душевной дряблостью.

Что же касается физических качеств Карла, то, если опять-таки верить последнему из упомянутых нами авторов, они представляли собою еще более плачевное зрелище и как нельзя лучше соответствовали его недоумию и безволию. Он был невелик ростом, с большой головой, толстой и короткой шеей, широкогруд, широкоплеч, с длинными и тонкими ногами, а поскольку лицо его отличалось уродством, если не считать выразительного, полного достоинства взгляда, и сложен он был весьма непропорционально, то походил скорее на какого-то монстра, а не человека.

Таков был тот, кому судьба уготовила роль завоевателя, а небеса ниспослали славы даже больше, чем он мог выдержать.

Так обстояли дела во Франции.

В Священной Римской империи правил Фридрих III,¹⁹ прозванный Мирным, но не за то, что он всегда стремился поддерживать мир, а за то, что, терпя поражение за поражением, был вынужден его заключать. Первое доказательство своего философического долготерпения он проявил во время путешествия в Рим, куда отправился для помазания на царство. В Апеннинах его ограбили разбойники, но он не сделал даже попытки пуститься за ними в погоню. Вскоре, воодушевленные примером и безнаказанностью мелких воришек, в игру

¹⁶ Диаш, Бартоломеу (1450–1500) – португальский мореплаватель, в 1487 г. первым из европейцев обогнул Африку.

¹⁷ Людовик XI (1423–1483) – король Франции с 1461 г.

¹⁸ Ла Тремуйль, Луи (1460–1526) – прославленный своей храбростью военачальник Карла VIII. Коммин, Филипп де (1445–1509) – французский политик и историк, автор «Мемуаров». Гвиччардини, Франческо (1482–1540) – итальянский историк и публицист, автор «Истории Италии».

¹⁹ Фридрих III (1415–1493) – император Священной Римской империи с 1452 г.

вступили бандиты покрупнее. Мурад²⁰ отнял у него часть Венгрии, Матьяш Корвин завладел Нижней Австрией, и Фридриху осталось лишь утешать себя максимой: «Забвение есть лекарство от утрат». К моменту, когда начинается наше повествование, Фридрих, процарствовав пятьдесят три года, обручил своего сына Максимилиана с Марией Бургундской и выгнал из страны своего зятя Альберта Баварского, претендовавшего на Тироль. Император был слишком обременен семейными делами, чтобы обращать внимание на Италию. К тому же он был озабочен тем, чтобы подыскать девиз, приличествующий Австрийскому дому – для человека покроя Фридриха дело крайне важное. В конце концов девиз, который позже чуть было не осуществил Карл V, был подобран, к великой радости престарелого императора, который, решив, что после подобного доказательства собственной проницательности ему в этом мире уже делать нечего, скончался 19 августа 1493 года, оставив империю на сына Максимилиана.

Девиз состоял просто-напросто из пяти букв A E I O U – начальных букв следующих пяти слов: «Austriae Est Imperare Orbe Universo», что означает: «Австрии суждено править миром».

Так обстояли дела в Германии.

Теперь, когда мы бросили взгляд на четыре державы, стремившиеся распространить свое владычество на всю Европу, давайте обратим взор на государства более мелкие, которые окружали Рим и служили, если можно так выразиться, щитом для духовной столицы мира, вздумай кто-то из описанных нами политических гигантов напасть на нее, предварительно перешагнув через моря и горы – Адриатику и Альпы, Средиземное море и Апеннины.

Итак, щит этот состоял из Неаполитанского королевства, герцогства Миланского, великолепной Флорентийской республики и светлейшей Венецианской республики.

Королевство Неаполитанское находилось в руках старого Фердинанда, который был рожден не только незаконно, но, возможно, даже от кровосмесительного брака. Его отец Альфонс Арагонский получил корону из рук усыновившей его Иоанны Неаполитанской.²¹ Однако, опасаясь остаться без наследника престола, Иоанна на ложе смерти назвала такими двоих, и Альфонсу пришлось оспаривать свои права у Рене.²² Некоторое время претенденты боролись за корону, но в конце концов Рене удовольствовался герцогством Анжуйским, и в 1442 году Альфонс окончательно утвердился на неаполитанском престоле. Вскоре мы увидим, что Карл VIII заявит о правах изгнанного претендента.

Не обладая ни доблестью, ни талантом, Фердинанд тем не менее побеждал своих врагов одного за другим, хотя оба его соперника намного превосходили короля своими достоинствами. Одним из них был граф Вианский,²³ его племянник, который, нападая на дядю за его постыдное происхождение, держал в руках арагонскую партию; другой был герцог Иоанн Калабрийский, имевший на своей стороне анжуйскую партию. Однако благодаря своей необычайной осторожности Фердинанд удержался на троне. Он отличался образованностью и умом, изучал науки, особенно юриспруденцию. Что же касается его внешности, то он был среднего роста, с крупной, красиво посаженной головой, его приятное лицо обрамлялось прекрасными седыми волосами, ниспадавшими на плечи. Хотя ему редко приходи-

²⁰ *Мурад II* (1401–1451) – турецкий султан с 1421 г.; *Максимилиан I* (1459–1519) – эрцгерцог Австрийский, император Священной Римской империи с 1493 г.; *Мария Бургундская* (1457–1482) – единственная дочь герцога Бургундии Карла Смелого; *Карл V* (1500–1558) – император Священной Римской империи в 1519–1556 гг., он же король Испанский Карл I с 1516 г., пытался создать мировую христианскую державу.

²¹ *Альфонс V Арагонский* (1401–1458) – король Арагона и Сицилии с 1416 г., позже и Неаполя; *Иоанна Неаполитанская* (1371–1435) – королева Неаполя с 1414 по 1435 г.

²² *Рене Анжуйский*, «Добрый король Рене» (1409–1480) – герцог Анжуйский, Баварский и Лотарингский, граф Прованский.

²³ *Дон Карлос, инфант Наваррский, принц Вианский* (1420–1461).

лось выказывать свою физическую силу с оружием в руках, она была громадной: оказавшись однажды в Неаполе на рыночной площади, он схватил за рог сбежавшего быка и долго держал его, как тот ни вырывался. Избрание Александра папой весьма обеспокоило Фердинанда, и, несмотря на всю свою осторожность, он не удержался и заявил в присутствии человека, принесшего ему эту новость, что не только сам не радуется избранию, но полагает, что это не может обрадовать ни одного христианина, поскольку Борджа всегда был человеком недобрым, и папа из него выйдет скверный. Впрочем, добавил он, будь даже этот выбор превосходным и придись он по вкусу всем вокруг, для Арагонского дома он все же будет пагубен: хотя Александр рожден его подданным и во многом обязан ему своею удачей, там, где в игру вступают государственные интересы, узы крови и родства отходят на задний план, а обязанности подданного и признательность предаются забвению.

Фердинанд оценил Александра с присущей ему проницательностью, что, впрочем, не помешало ему, как мы вскоре увидим, первому заключить с ним союз.

Герцогство Миланское номинально принадлежало Джан Галеаццо, внуку Франческо Сфорца, который 2 февраля 1450 года стал правителем против воли жителей герцогства, и завещал его Галеаццо Марии, отцу юного принца.²⁴ Мы говорим номинально, поскольку подлинным правителем Милана был в то время не законный наследник, а его дядя Лодовико²⁵ по прозвищу Моро, что означает Тутовник, которое было ему дано из-за изображенного в его гербе тутового дерева. Изгнанный вместе с двумя братьями из Милана – Филиппом, который был отравлен в 1479 году, и Асканио, который впоследствии стал кардиналом, Лодовико вернулся туда через несколько дней после убийства Галеаццо Марии, происшедшего 26 декабря 1476 года в церкви Сан-Стефано, и стал регентом при восьмилетнем герцоге. Лодовико правил герцогством вплоть до двадцатидвухлетия принца и, по всей вероятности, правил бы и дальше, но несчастный юноша захворал через несколько дней после того, как выразил желание взять власть в свои руки, и в городе стали поговаривать, что его отравили одним из тех медленно действующих, но смертельных ядов, жертвой которых в ту пору государи становились весьма часто: даже если кто-нибудь из них заболел самой обычной болезнью, причину ее обычно приписывали чьей-то выгоде. Как бы там ни было, Лодовико удалил слабого и неспособного заниматься делами герцогства племянника в цитадель Павии, где тот медленно угасал на глазах его жены Изабеллы, дочери Фердинанда Неаполитанского.

Что же до Лодовико, это был честолюбивый, смелый и хитрый человек, который не чурался при нужде ни меча, ни яда и был полон решимости занимать место племянника независимо от того, умрет тот или нет.

Флоренция хотя и продолжала называться республикой, но постепенно теряла все свои свободы и фактически, хотя еще не юридически, принадлежала Пьеро Медичи, которому, как нам известно, Лоренцо завещал ее, словно отчее добро. К несчастью, сыну было далеко до своего высокоталантливого родителя: он был красив, тогда как Лоренцо отличался редкой уродливостью, имел приятный мелодичный голос, тогда как Лоренцо всю жизнь гнусавил, знал греческий и латынь, легко поддерживал беседу и импровизировал стихи почти с той же легкостью, как это делал тот, кого называли Великолепным, – все справедливо, однако будучи невеждой в вопросах политики, он относился с заносчивостью и высокомерием к тем, кто пытался просветить его в этом отношении. Впрочем, Пьеро предпочитал удовольствия и женщин, беспрестанно занимался физическими упражнениями, которые позволяли ему блеснуть в глазах представительниц прекрасного пола, главным образом игрой в мяч,

²⁴ Франческо Алессандро Сфорца (1401–1466), Галеаццо Мариа С. (1444–1476), Джан Галеаццо С. (1468–1494) – герцоги Миланские, дед, отец и сын.

²⁵ Лодовико Сфорца (1451–1508) – герцог Миланский.

в коей был необычайно силен, и поклялся, что, как только закончится траур, он заставит говорить о себе не только Флоренцию, но и всю Италию благодаря роскоши своего дворца и шуму своих празднеств. Так по крайней мере решил Пьеро Медичи, но судьбе было угодно распорядиться иначе.

Что же касается светлейшей Республики Венеция, в которой правил дож Агостино Барбариго, то к тому времени, когда начинается наш рассказ, она достигла высшей степени блеска и могущества. От Кадиса до Азовского моря не было ни одного порта, который был бы закрыт для тысяч ее судов; в Италии, кроме лагун вдоль побережья и старого герцогства Венецианского, она владела провинциями Бергамо, Брешия, Крема, Верона, Виченца и Падуа. Кроме того, в ее владении находились Тревизская марка, состоявшая из областей Фельтре, Беллуно, Пьеве-ди-Кадоре, Ровиго и принципата Равенна, Фриули без Аквилеи, Истрия без Триеста; на восточном побережье Адриатики она владела Зарой, Спалато²⁶ и прибрежными районами Албании; в Ионическом море ей принадлежали острова Закинф и Корфу, в Греции – Лепанто и Патры, на Пелопоннесе – Корони, Наполи-ди-Романе и Аргос и, наконец, на островах архипелага – множество небольших городов и поселений, не считая Крита и королевства Кипр.

Таким образом, начиная от устья По и кончая восточной оконечностью Средиземного моря, светлейшая республика владела всей прибрежной полосой, а Италия и Греция казались ее предместьями.

В местах, не захваченных Неаполем, Миланом, Флоренцией или Венецией, правили мелкие тираны, пользовавшиеся на своей территории абсолютной властью: семейство Колонна – в Остии и Неттуно, Монтефельтро – в Урбино, Манфреды – в Фаэнце, Бентивольи – в Болонье, Малетеста – в Римини, Вителли – в Читтади-Кастелло, Бальони – в Перудже, Орсини – в Виковаро и герцоги д'Эсте – в Ферраре.

И наконец, в центре огромного круга из могучих держав, второстепенных государств и мелких тираний возвышался Рим – самый благородный, но и самый слабый из всех, без влияния, территории, войска и денег.

От новоизбранного папы требовалось вернуть городу все это; поэтому давайте посмотрим, что за человек был Александр и годился ли он для столь важной миссии.

Родриго Лансоль родился в испанском городе Валенсия в 1430 или 1431 году; как утверждают многие историки, по материнской линии он принадлежал к королевскому роду, который, прежде чем подумать о папской тиаре, претендовал на корону Арагона и Валенсии. Уже в детстве мальчик отличался быстрым умом, а повзрослев, стал выказывать большие способности к наукам, главным образом в области права и юриспруденции; он выдвинулся как адвокат и своим даром обсуждать самые тонкие вопросы вскоре снискал себе славу. Однако это не помешало ему оставить внезапно карьеру правоведа и податься в военные, пойдя таким образом по стопам отца, но, доказав в нескольких кампаниях свое хладнокровие и мужество, он почувствовал отвращение и к военному делу. Как раз в это время умер его отец, оставив сыну значительное состояние, и молодой человек решил вообще ничем не заниматься, идя на поводу у своих капризов и фантазий. Примерно в ту же пору он сделался любовником некоей вдовы, имевшей двух дочерей. Когда вдова умерла, Родриго взял дочерей под свое покровительство: одну отдал в монастырь, а вторую сделал своей любовницей, поскольку она была неописуемо хороша собой. Это и была знаменитая Роза Ваночца, родившая ему пятерых детей: Франческо, Чезаре, Лукрецию и Гоффредо; как звали их пятого ребенка, неизвестно.

Отойдя от общественной деятельности, Родриго был целиком погружен в любовные и отцовские радости, когда узнал, что его дядя, любивший племянника, словно родного сына,

²⁶ Ныне Задар, Сплит.

избран папой и принял имя Каликста III.²⁷ Однако в ту пору молодой человек был пленен своей дамой сердца до такой степени, что честолюбие в нем умолкло и новость огорчила его; он решил, что теперь ему волей-неволей придется возвратиться к общественным обязанностям. В результате, вместо того чтобы лететь во весь опор в Рим, – как сделал бы на его месте любой, – он ограничился тем, что написал его святейшеству письмо, в котором просил дядю не оставлять его своими милостями и желал ему долгого и успешного понтификата.

Среди множества честолюбцев, сразу же окруживших нового папу, такая сдержанность родича показалась Каликсту III удивительной: он знал, какими достоинствами обладает Родриго, и теперь, осаждаемый со всех сторон посредственностями, оценил скромного молодого человека еще выше и в ответном письме заявил, что тот должен немедленно сменить Испанию на Италию и Валенсию на Рим.

Это письмо вырывало Родриго из блаженства, в котором он пребывал и которое могло превратиться в оцепенение среднего обывателя, не вмешайся в это дело судьба. Родриго был богат и счастлив, свойственные ему дурные наклонности исчезли или, по крайней мере, утихли; его пугала сама мысль сменить теперешнее сладкое существование на жизнь, полную честолюбивых волнений, поэтому он оттягивал свой отъезд в Рим, надеясь, что дядя о нем позабудет. Однако этого не произошло: через два месяца после того, как Родриго получил письмо его святейшества, в Валенсию прибыл римский священник, который привез ему бенефиций, дававший двадцать тысяч дукатов годового дохода, и строгий приказ немедленно вступить в пожалованную ему должность.

Идти на попятный было уже нельзя. Родриго отправился в Рим, но, не желая расставаться с источником, из которого он на протяжении восьми лет черпал счастье, молодой человек отправил Розу Ваноща в Венецию; ее сопровождали две верные служанки, а также испанский дворянин по имени Мануэл Мелчори.

Фортуна продолжала улыбаться Родриго: папа принял его как родного сына и за короткое время сделал архиепископом Валенсийским, диаконом-кардиналом и вице-канцлером. Ко всему этому Каликст добавил сорок тысяч дукатов годового дохода, и таким образом тридцатипятилетний Родриго стал богат и могуществен, как принц.

Родриго не очень-то хотелось становиться кардиналом, он предпочел бы сделаться генералом какого-либо ордена, так как в этом случае ему было бы легче видеться с любовницей и семьей, однако Каликст намекнул, что в один прекрасный день племянник сможет занять его место, и с тех пор мыслями Родриго овладела одна цель: стать верховным пастырем королей и народов.

Тогда-то и появилось в молодом кардинале то невообразимое лицемерие, которое сделало Родриго сущим дьяволом во плоти и совершенно его преобразило: со словами смирения и раскаяния на устах, с вечно склоненной головой, словно над нею тяготел груз его прошлых грехов, с презрением к благоприобретенным богатствам, которые, по его словам, принадлежат беднякам и должны быть им возвращены, он проводил все время в церквах, монастырях и лазаретах, приобретая, по свидетельству историков, даже в глазах врагов репутацию Соломона за свою мудрость, Иова за долготерпение и Моисея за то, что нес в мир слово Божие, и одна Роза Ваноща знала, чего стоит обращение ее возлюбленного в благочестивого кардинала.

Оказалось, что он не зря выказывал подобную святость: пробыв на папском престоле три года, три месяца и девятнадцать дней, его покровитель умер, и Родриго пришлось самому бороться с многочисленными врагами, которых он нажил из-за столь быстрого возвышения. Во время правления Пия II его постоянно отстраняли от важных дел, и только когда папой стал Сикст IV, Родриго было пожаловано аббатство Субиако и пост легата при

²⁷ *Каликст III, в миру Альфонсо Борха (1377–1458) – папа римский с 1455 г.*

дворах королей Арагона и Португалии. После возвращения оттуда, что произошло уже при папе Иннокентии VIII, он решил наконец поселить свое семейство в Риме, и оно переехало в сопровождении дона Мелчори, который отныне стал выдавать себя за супруга Ваночцы, назвавшись графом Фердинандом Кастильским. Кардинал Родриго принял благородного испанца как друга и соотечественника, и тот, имея намерения вести довольно уединенную жизнь, нанял дом на улице делла Лонгара, стоявший на берегу Тибра близ церкви Реджина-Чели. Именно там после дня, проведенного в молитвах и благочестивых трудах, кардинал Родриго каждый вечер снимал с себя личину. Говорят, хотя никаких доказательств этому не существует, что в доме этом творились всяческие гнусности: кровосмешение между отцом и дочерью, а также между братьями и сестрой. Чтобы положить конец слухам, которые уже начали распространяться, Родриго послал Чезаре учиться в Пизу, выдал Лукрецию за молодого арагонского дворянина, и в доме остались жить лишь Ваночца и двое других сыновей. Так обстояли дела, когда Иннокентий VIII умер и его место занял Родриго Борджа.

Как происходили выборы нового папы, мы уже видели; пятеро кардиналов – Неаполитанский, Сиенский, Португальский, Санта-Марии-ин-Портичи и Сан-Пьетро-ин-Винколи – протестовали против избрания, считая его барышничеством, однако Родриго нашел средство собрать большинство голосов и стал двести двенадцатым преемником святого Петра.

Добившись своего, Александр VI не осмелился сразу сбросить личину, которую так долго носил кардинал Борджа, однако, когда узнал, что голосование решило вопрос в его пользу, не смог удержаться и, воздев руки к небу, с чувством удовлетворенного честолюбия воскликнул:

– Неужели я папа? Неужели я наместник Христа? Неужели я замковый камень всего христианского мира?

– Да, ваше святейшество, – ответил кардинал Асканио Сфорца, продавший Родриго девять голосов, которыми он располагал в конклаве, за четырех груженных серебром мулов, – и мы надеемся вашим избранием восславить Господа и даровать отдохновение церкви и радость христианам, поскольку вас избрал сам Всемогущий как самого достойного из ваших собратьев.

Однако, как ни краток был этот ответ, новоизбранный папа уже успел овладеть собой и, скрестив руки на груди, смиренно проговорил:

– Мы надеемся, что Господь не оставит нас, слабого человека, своею помощью и совершит для нас то же, что совершил для одного из своих апостолов, вручив ему в оны дни ключи от небес и доверив власть над всею церковью, каковая власть без помощи Божией слишком тяжела для простого смертного. Однако Господь обещал, что Святой Дух будет направлять его, и я надеюсь, что нам Он окажет такую же милость, а что касается вас, то мы не сомневаемся в вашем послушании главе церкви, послушании, которое паства Христова была обязана проявлять по отношению к первому из апостолов.

Завершив эту речь, Александр облачился в папские одежды и велел бросать из окон Ватиканского дворца листочки бумаги с написанным на них по-латыни его именем; подхваченные ветром, они, казалось, возвещали всему миру о великом событии, призванном изменить весь облик Италии.

В тот же день во все уголки Европы полетели гонцы.

Чезаре Борджа узнал о назначении отца, будучи в Пизанском университете, где он проходил курс наук; ему уже приходилось мечтать о таком повороте судьбы, поэтому радость его была беспредельна. Чезаре был в ту пору молодым человеком лет двадцати двух – двадцати четырех, искусным в телесных и особенно военных упражнениях: он умел объездить без седла самого горячего скакуна и отсесть голову быку одним ударом меча; в остальном же он был высокомерен, завистлив, скрытен и, по словам Томмази, таким же вельможей среди нечестивцев, каким его отец Родриго был благочестивцем среди вельмож. Что же касается

его внешности, то даже современники в этом вопросе противоречат друг другу: одни изображают Цезаре необычайным уродом, тогда как другие превозносят его красоту. Противоречие это вызвано тем, что в определенные времена года, особенно весной, лицо Цезаре покрывалось гнойниками и являло собою ужасное и отвратительное зрелище, но в остальное время это был мрачный темноволосый кавалер с рыжеватой бородкой и бледным цветом лица, какого изобразил Рафаэль на прекрасно выполненном портрете. Как бы там ни было, историки, хронисты и художники согласны в одном: молодой человек отличался пристальным и тяжелым взглядом, в глубине которого горело неугасимое пламя, придававшее его облику нечто inferнальное и нечеловеческое. Таков был тот, кому судьба даровала исполнение самых сокровенных желаний и кто избрал своим девизом слова: «Aut Caesar, aut nihil» – «Или Цезарь, или ничто».

Цезаре вместе с несколькими родственниками сел в карету и, оказавшись у ворот Рима, был встречен знаками почтения, свидетельствующими о повороте в его судьбе; в Ватикане же эти знаки стали еще ощутимее: вельможи склонялись перед ним, как перед человеком выше их по рангу. Снедаемый нетерпением, он, не навестив ни мать, ни родственников, отправился прямо к папе, чтобы поцеловать у него туфлю. Тот был предупрежден о прибытии сына и ждал его в окружении блистательных кардиналов; позади трона стояли трое братьев Цезаре. Его святейшество принял сына благосклонно, однако не стал выказывать отеческих чувств: наклонившись к Цезаре, он поцеловал его в лоб и осведомился, как тот себя чувствует и удачно ли доехал. Цезаре ответил, что чувствует себя превосходно и готов служить его святейшеству, а что касается путешествия, то за мелкие неудобства и небольшую усталость он с лихвой вознагражден счастьем видеть на святейшем престоле человека, который достоин его занимать. Услышав это, Александр, оставив Цезаре стоять на коленях, вернулся на трон, с которого встал было, чтобы поцеловать сына, придал лицу выражение серьезности и значительности и заговорил достаточно громко и неторопливо, чтобы все присутствующие услышали его речь и прониклись ее смыслом:

– Мы верим, Цезаре, что вы рады видеть нас на сей вершине, которая много выше наших достоинств и достигнуть которой нам помогла лишь благодать Божия. Этой радостью мы обязаны любви, какую мы всегда питали, да и теперь продолжаем питать к вам, равно как и к вашему личному интересу – ведь отныне вы можете надеяться, что получите из наших святейших рук все блага, которые заслужите трудами своими. Но ежели радость ваша – и мы уже говорили это вашему брату – имеет иные мотивы, то вы впадаете в глубокую ошибку, Цезаре, и вас ждет сильнейшее разочарование. Мы стремились, и теперь смиренно признаем это перед всеми, с великою горячностью к сему престолу и, дабы заполучить его, прибегали к любым средствам, рожденным человеческой изворотливостью, однако мы действовали так, дав себе клятву, что, дойдя до цели, будем следовать лишь тем путем, который ведет к наилучшему служению Господу и еще большему величию святейшего престола, дабы славная память о совершенном нами стерла из умов людских воспоминания о наших постыдных деяниях. Мы уповаем на то, что на пути, избранном нами, наши преемники обнаружат следы если не святого, то, по крайней мере, первосвященника римского. Господь помог нам и теперь требует от нас деяний, и мы готовы в полной мере отдать ему долг, почему у нас нет намерения идти на обман и тем самым навлекать на себя его праведный гнев. Единственное прегрешение может свести на нет все наши добрые намерения; так будет, если мы станем слишком усердно хлопотать о вашем будущем. Итак, мы защитились заранее от слишком сильной любви к вам и молим Господа, чтобы он поддержал нас и не дал совершить ошибку по отношению к вам: ведь идя путем протекций, глава церкви не может не поскользнуться и не упасть, а упав, не нанести непоправимого вреда чести святейшего престола. Мы будем до конца нашей жизни оплакивать ошибки, позволившие нам познать сию истину, и молить Бога, чтобы блаженной памяти дядюшка наш Каликст не страдал нынче в чистилище из-

за наших грехов сильнее, чем из-за своих собственных. Увы, он был богат добродетелями и полон благих намерений, однако слишком любил свое семейство и, в частности, нас; ведомый слепой любовью к родственникам, коих он почитал как плоть от плоти своей, Каликст даровал лишь немногим, быть может, менее всего достойным, благодеяния, кои следовало распространить на гораздо большее число людей. И верно: он оставил в доме нашем сокровища, несправедливо добытые за счет бедняков и достойные лучшего применения. Он отчленил от нашего церковного государства, без того слабого и отнюдь не обширного, герцогство Сполето, равно как другие богатые угодья, которые отдал нам в ленное владение, он возложил на нас, человека малоспособного, обязанности вице-канцлера, вице-префекта Рима и генерала церкви, а также другие серьезные дела, которые вместо того, чтобы быть сосредоточенными в наших руках, должны быть доверены тем, кто их достоин. Есть люди, кои по нашему совету были облечены важными должностями, не обладая при этом никакими заслугами, а лишь нашим покровительством, тогда как другие остались в стороне только из-за того, что их достоинства вызывали в нас зависть. Чтобы отобрать у Фердинанда Арагонского Неаполитанское королевство, Каликст развязал страшную войну, благополучный исход которой лишь увеличил наше достояние, а неблагополучный мог привести к большому урону для святейшего престола. И наконец, позволяя командовать собою тем, кто жертвовал общественным благом ради личного, он нанес значительный ущерб не только святейшему престолу, не только своей репутации, но, что самое страшное, собственной совести. А между тем – поистине бесконечна мудрость Божия! – как Каликст ни старался упрочить наше положение, но, когда он оставил высочайшую должность, ныне исполняемую нами, мы сразу же были свержены с достигнутой нами вершины и навлекли на нас гнев и мстительную ненависть тех римских баронов, которые считали себя оскорбленными нашим благорасположением к их врагам. Заметьте, Чезаре: мы не только были мгновенно свергнуты с высоты нашего величия, благополучия и должностей, коими удостоил нас дядя, но, дабы не расстаться с жизнью, мы и друзья наши обрекли себя на добровольное изгнание, и только благодаря ему удалось нам избежать бури, разыгравшейся из-за нашего слишком большого состояния. Это со всею очевидностью доказывает: поскольку Господь попирает намерения человека, когда они дурны, то первосвяtitель впадает в ошибку, уделяя больше внимания благу какого-либо одного дома, которое не может длиться больше нескольких лет, нежели славе церкви, которая вечна, а политик ведет себя неразумно, когда, управляя вотчиной, не полученной им по наследству, строит здание собственного величия на фундаменте, в коем отсутствуют высокие добродетели, употребляемые для всеобщей пользы, и верит, что неизбежность собственного благополучия возможно сохранить, не прибегая к средствам, позволяющим совладать со внезапными водоворотами судьбы, которые могут вызвать бурю среди всеобщего спокойствия, то есть ополчить против него множество людей, любой из коих, примись он за дело серьезно, сумеет нанести ему такой вред, от которого не спасут обманчивые знаки помощи целой сотни друзей. Если вы и ваши братья пойдете достохвальной дорогой, которую мы открываем перед вами, вы не станете требовать, чтобы любое ваше желание тут же исполнялось, но если вы решите следовать в противоположную сторону, если надеетесь, что наша любовь позволит нам проявлять снисхождение к вашим непотребствам, то очень быстро убедитесь в одном: нас в первую очередь заботит благо церкви, а не нашего дома, и, будучи наместником Христа, мы станем делать то, что сочтем полезным для христианского мира, а не для вас лично. А теперь, со всем этим, Чезаре, вот вам наше святейшее благословение.

С этими словами Александр VI встал, возложил руки на голову коленапреклоненного сына и удалился в свои покои, не пригласив его следовать за собой.

Молодой человек был ошеломлен этой неожиданной речью, одним ударом разрушившей все его упования. Пошатываясь, словно пьяный, он вышел из Ватиканского дворца и

в расстроенных чувствах бросился к матери, о которой прежде даже не вспомнил. Ваночца обладала всеми пороками и добродетелями испанской куртизанки: она слепо веровала в Мадонну, была нежна к детям и во всем им потакала, весьма снисходительно относилась к порокам Родриго, но в глубине души верила в свое влияние на него, которым пользовалась уже лет тридцать, и знала, что, подобно змее, всегда может зачаровать его взглядом, а нет – так и задушить в могучих кольцах. Ваночце было известно безмерное лицемерие ее старого любовника, поэтому утешить Чезаре ей не составило никакого труда.

Когда Чезаре приехал, в комнате вместе с Ваночцей сидела Лукреция, и молодые люди поцеловались на глазах у матери отнюдь не как брат и сестра. Перед уходом Чезаре даже назначил сестре свидание: она жила отдельно от мужа, которому Родриго платил содержание, и проводила время в своем дворце на Виа-дель-Пеллегрино, стоявшем напротив Кампо-ди-Фьоре.

Вечером в условленный час Чезаре отправился к Лукреции, но застал там своего брата Франческо. Братья никогда не испытывали особой любви друг к другу. Они были людьми очень разными, и если злоба Франческо проистекала от инстинктивного страха лани перед охотником, то у Чезаре это была жажда мести и крови, постоянно живущая в сердце тигра. Тем не менее братья обнялись – один из доброжелательства, другой из лицемерия, но когда сообразили, что они – соперники вдвойне, так как оба пытаются добиться расположения и отца и сестры, Франческо зарделся, а Чезаре побледнел. Каждый уселся, полный решимости уйти лишь вместе с соперником, но тут в дверь постучали: пришел разлучник, которому оба брата были вынуждены уступить, – их отец.

Ваночца была права, когда стала успокаивать Чезаре. Александр VI, обрушившись на злоупотребления своего семейства, прекрасно понимал политические выгоды, которые он может извлечь из сына и дочери, поскольку знал: рассчитывать может не на Франческо и Гоффридо, а на Лукрецию и Чезаре. И верно: Лукреция была достойная пара своему братцу. Распутница по складу ума, нечестивица по темпераменту и честолюбица по расчету, она всегда страстно желала удовольствий, дифирамбов, почестей, золота, драгоценных камней, шелков и роскошных дворцов. Испанка, несмотря на белокурые волосы, куртизанка, несмотря на невинную внешность, Лукреция обладала головкой Рафаэлевой Мадонны и душою Мессалины; она была дорога Родриго и как дочь, и как любовница – в ней, как в волшебном зеркальце, он видел отражение собственных страстей и пороков. Поэтому Лукреция и Чезаре были его любимчиками, а все вместе они составили дьявольское трио, остававшееся в течение одиннадцати лет на папском престоле кощунственной пародией на Святую Троицу.

Впрочем, поначалу ничто не противоречило принципам, высказанным Александром в его наставлении сыну, и первый же год его правления превзошел все ожидания, которые римляне связывали с его избранием. Ему удалось наполнить городские амбары так щедро, как они не заполнялись еще на памяти людей, и чтобы благополучие распространилось даже на низшие слои общества, Александр делал многочисленные пожертвования из собственного кошелька, благодаря чему бедняки и те смогли принять участие в этом всеобщем пиршестве, чего не бывало уже давно. Удалось ему и восстановить безопасность в городе: в первые же дни Александр создал строгую и бдительную полицию, а также суд, состоявший из четырех докторов права с незапятнанной репутацией, которым вменил в обязанность сурово наказывать за ночные преступления, сделавшиеся при его предшественнике делом столь обычным, что само их число обеспечивало полную безнаказанность злодеям; первые же приговоры суда свидетельствовали о том, что он строг и его не могут смягчить ни ранг, ни богатство обвиняемого. Это было разительно непохоже на коррупцию при прошлом понтификате, когда на упреки в продажности судейских вице-камергер публично отвечал: «Господь желает не смерти грешника, но чтобы он жил и платил», и столица христианского мира

решила, что вернулись славные дни папства. Таким образом, к концу первого года правления Александр VI вернул себе духовное влияние, утраченное его предшественниками. Чтобы завершить первую часть своего грандиозного плана, ему оставалось вернуть влияние политическое. Для этой цели в его распоряжении были два средства: союзы и завоевания. Он начал с первых. Арагонский дворянин, женившийся на Лукреции, когда она была всего лишь дочерью кардинала Родриго Борджа, не был человеком достаточно родовитым, богатым и талантливым, чтобы пригодиться Александру VI в его комбинациях, поэтому вскоре последовал развод и Лукреция Борджа оказалась готовой к новому замужеству.

Александр VI приступил к двояким переговорам одновременно: прежде всего, ему требовался союзник, который следил бы за политикой окружавших Рим государств. Джан Сфорца, внук Алессандро Сфорца и брат великого Франческо I, герцога Миланского, был владельцем Пезаро, а географическое положение этого города, лежавшего на берегу моря между Флоренцией и Венецией, очень устраивало папу. Он сразу обратил на Джана Сфорца внимание, и так как интересы обоих совпали, тот вскоре сделался вторым мужем Лукреции.

В то же время начались переговоры с Альфонсом Арагонским, наследником неаполитанской короны, о заключении брака между донной Санчей, его внебрачной дочерью, и Гоффредо, третьим сыном папы. Однако поскольку старый Фердинанд стремился извлечь из этого брака наибольшие выгоды, он затягивал переговоры, ссылаясь на то, что молодые люди еще недостаточно взрослые, и он, сознавая всю честь, которую ему оказывают этим предложением, не хочет торопиться с обручением. Дело на том и заглохло, к большому неудовольствию Александра VI, который не строил никаких иллюзий относительно этой отсрочки и воспринял ее как должно, то есть как отказ. Таким образом, Александр и Фердинанд остались в том же положении, как и прежде – политиками равной силы, ждущими, когда события склонятся на чью-нибудь сторону. Судьба улыбнулась Александру.

В Италии жизнь текла мирно, но все ее жители нутром чувствовали, что это спокойствие – затишье перед бурей. Страна была слишком богатой и счастливой, чтобы не вызывать зависть других народов. И действительно, небрежение Флорентийской республики еще не превратило пизанские равнины в болота, войны семейств Колонна и Орсини не сделали богатую римскую Кампанию дикой пустыней, маркиз Мариньяно²⁸ еще не стер с лица земли в одной только Сиенской республике сто двадцать деревень, а маремма²⁹ хоть уже и вредила здоровью, но, по крайней мере, не была смертельной: Флавио Блондо, описывая в 1450 году Остию, где нынче насчитывается всего тридцать жителей, лишь отметил, что во времена Древнего Рима она была более цветущей и население ее составляло пятьдесят тысяч человек.

Что же до итальянских крестьян, то они были, вероятно, самыми счастливыми в мире: селились они не разбросанно, вдали друг от друга, а в деревнях, окруженных стенами, которые защищали их урожай, скот и орудия труда; их дома, по крайней мере, те, что остались с тех пор, говорят о том, что жили они в достатке и со вкусом, не свойственным до сих пор даже многим нашим городским обывателям. Понемногу такое объединение общественных интересов и скопление людей в укрепленных деревнях сделало крестьян серьезной силой, какой никогда не были ни французские вилланы, ни немецкие крепостные: римские селяне имели оружие, общественную казну, выборных судей, а когда им приходилось сражаться, они делали это ради защиты родины.

Торговля процветала не в меньшей степени, чем сельское хозяйство: в те времена в Италии было множество фабрик, производивших шелк, шерсть, пеньку, меховые изделия,

²⁸ *Мариньяно, Джованни Джакомо Медикино маркиз (1497–1555)* – итальянский военачальник на службе у императора Карла V, в 1554 г. взял и разорил город Сиену и прилегающую область.

²⁹ *Маремма* – болотистая местность, где часто свирепствует малярия.

квасцы, серу и битум. То, чего не давала земля, ввозилось через многочисленные порты из стран Черного моря, Египта, Испании и Франции и зачастую отправлялось назад уже после того, как человеческое трудолюбие превратило ввезенное сырье в изделия: богатый давал товар, бедняк – свои руки. Первый был уверен, что не будет испытывать недостатка в рабочей силе, второй – в работе.

Не было предано забвению и искусство: хотя Данте, Джотто, Брунеллески и Донателло к тому времени уже умерли, зато появились на свет Ариосто, Рафаэль, Браманте и Микеланджело. В Риме, Флоренции и Неаполе находились многочисленные шедевры античности, а вследствие побед Мехмеда II к статуям Ксантиппа, Фидия и Праксителя присоединились рукописи Эсхила, Софокла и Еврипида.

Правители главных итальянских государств, глядя, с одной стороны, на обильные жатвы, богатые села, процветающие фабрики и великолепные храмы, а с другой – на окружающих Италию бедных и воинственных варваров, отдавали себе отчет, что в один прекрасный день Италия станет для последних тем же, чем Америка для Испании, то есть бездонными золотыми копиями. Поэтому к 1480 году Неаполь, Милан, Флоренция и Феррара подписали оборонительный и наступательный союз, чтобы отражать наступление как внутренних, так и внешних врагов, напади они с моря или с Альп. Лодовико Сфорца, как самый заинтересованный в этом пакте, поскольку его земли были ближе всего к Франции – стороне, откуда грозил налететь вихрь, видел в новом папе человека, который не только сможет укрепить этот союз, но и продемонстрировать всей Европе его мощь и сплоченность.

Когда на престол восходит новый папа, у христианских государств принято отправлять в Рим полномочных послов, которые от имени своей страны подтверждают клятву верности святейшему престолу. И вот Лодовико Сфорца пришла в голову мысль так подгадать приезд послов четырех держав, чтобы они появились в Риме в один и тот же день и чтобы один из них, к примеру посланник королевства Неаполитанского, держал речь от имени всех четверых.

К несчастью, этот план плохо согласовывался с грандиозными замыслами Пьеро Медичи. Обуянный гордыней молодой человек, назначенный послом от Флорентийской республики, в доверенной ему соотечественниками миссии видел лишь повод блеснуть собственным богатством и роскошью. Со дня назначения его послом ко дворцу Пьеро Медичи беспрестанно сновали портные, ювелиры и торговцы тканями, у которых он заказывал пышные одежды, расшитые драгоценными камнями, взятыми из семейной казны. Фамильными сокровищами, быть может, самыми богатыми во всей Италии, были усеяны одежды пажей, а шею любимейшего из них украшало жемчужное ожерелье стоимостью в сто тысяч дукатов, то есть около миллиона нынешних франков. Вторым послом от республики был назначен Джентиле, епископ Ареццо и учитель Лоренцо Медичи, подготовивший красноречивейшую речь, которая должна была поразить слух присутствующих, как роскошь Медичи – их зрение. Таким образом, красноречие Джентиле пропало бы впустую, если держать речь пришлось бы королю Неаполитанскому, а великолепие Пьеро Медичи осталось бы незамеченным, появившись он в Риме вместе с другими послами. Эти веские обстоятельства, шедшие вразрез с предложением герцога Миланского, в результате изменили весь облик Италии.

Лодовико Сфорца уже заручился обещанием Фердинанда принять участие в осуществлении его плана, как вдруг старый король, поддавшись на уговоры Медичи, взял свое слово назад. Узнав, откуда дует ветер, Сфорца сообразил, что Пьеро оказался влиятельнее. Не понимая причин этого внезапного поворота в политике, он решил, что после смерти Лоренцо против него был заключен тайный союз. Впрочем, какова бы ни была причина, сам факт выглядел для него крайне неутешительным: Флоренция, давняя союзница Милана, бросила его ради Неаполя. В противовес этому Сфорца, посвятив Александра в политику Пьеро и Фердинанда, предложил папе заключить оборонительный и наступательный союз, присо-

единив к нему и Венецию; герцог же Эрколе III Феррарский будет вынужден в таком случае принять ту или иную сторону. Александр VI, возмущенный поведением Фердинанда, согласился на предложение Лодовико Сфорца, и договор, по которому для поддержания всеобщего мира стороны обязались собрать армию в двадцать тысяч всадников и десять тысяч пехотинцев, был подписан 22 апреля 1493 года.

Фердинанд был испуган образованием нового союза, однако считал, что располагает средством нейтрализовать его, лишив Лодовико Сфорца власти: несмотря на то, что Галеаццо, внуку последнего, уже исполнилось двадцать восемь лет, Лодовико все еще оставался при нем регентом. Поэтому Фердинанд недвусмысленно предложил герцогу Миланскому передать власть в руки внука, иначе он будет объявлен узурпатором.

Удар был сокрушительный, однако существовала одна опасность: Лодовико Сфорца мог удариться в политические интриги, до которых всегда был большой охотник и перед которыми не останавливался, как бы опасны они ни были. Так оно и случилось: боясь выпустить из рук герцогство, Сфорца решил пригрозить Фердинанду потерей королевства.

Ничего не было проще: ему было прекрасно известно о воинственности Карла VIII и претензиях французского дома на королевство Неаполитанское. Он отправил двух послов к молодому королю с предложением заявить о правах Анжуйской династии, узурпированных Арагонским домом, а чтобы тот поглубже увяз в этом долгом и опасном предприятии, предложил беспрепятственно пропустить французские войска через территорию своего государства.

Зная характер Карла VIII, легко было догадаться, что тот незамедлительно примет подобное предложение – ведь перед ним, как по волшебству, открывались ослепительные горизонты: в сущности, Лодовико Сфорца предлагал ему господство над странами Средиземноморья, протекторат над Италией и открытый путь – через Неаполь и Венецию – к покорению Турции или же Святой земли, если он возьмется желанием отомстить за поражение при Никополе или Мансуре.³⁰ Итак, предложение было принято, и граф Карло Бельджойозо вместе с графом Каяццо со стороны Лодовико Сфорца и епископ Сен-Мало вместе с сенешалем Бокерским со стороны Карла VIII подписали секретный договор, согласно которому было условлено следующее:

король Франции предпримет попытку овладеть Неаполитанским королевством;

герцог Миланский пропустит войска короля Франции через свою территорию и выделит ему для сопровождения пятьсот копейщиков; герцог Миланский позволит королю Франции снарядить в Генуе столько судов, сколько тому потребуется;

герцог Миланский ссудит короля Франции двумястами тысячами дукатов, которые будут выплачены, как только тот отправится в путь.

Со своей стороны Карл VIII обязался:

защищать личную власть Лодовико Сфорца над герцогством Миланским от всякого, кто на нее посягнет;

оставить в Асти – городе, принадлежащем герцогу Орлеанскому и полученном им в наследство от его бабки Валентины Висконти, двести французских копейщиков, готовых прийти на помощь дому Сфорца;

передать своему союзнику княжество Тарнетское после завоевания Неаполитанского королевства.

Заклучив договор, Карл VIII, кстати, преувеличивавший его выгоды для себя, решил освободиться от обстоятельств, могущих задержать его поход или вообще ему воспрепят-

³⁰ *Никопол* – город на Дунае, где в 1396 г. франко-венгерские войска были наголову разбиты турками. *Мансур* – город в Египте, где в 1250 г. Людовик Святой, король Франции, потерпел поражение от сарацин (VII Крестовый поход).

ствовать. Такая предосторожность не была лишней, поскольку его отношения с могущественными державами складывались не наилучшим образом.

Генрих VII³¹ высадился в Кале с громадной армией и угрожал новым вторжением.

Испанские государи Фердинанд и Изабелла делали все для падения Анжуйской династии, поддерживая Арагонскую ветвь деньгами и войском.

И наконец, после того, как Карл отослал Маргариту Бургундскую назад к ее отцу Максимилиану и женился на Анне Бретонской, с новой силой вспыхнула война со Священной Римской империей.

И вот по договору, заключенному 3 ноября 1492 года в Этапле, Генрих VII выходил из союза с императором Священной Римской империи и отказывался от дальнейших завоеваний.

Это обошлось Карлу VIII в семьсот сорок пять тысяч золотых экю; кроме того, он возмещал издержки войны за Бретань.

По Барселонскому договору от 19 января 1493 года Фердинанд и Изабелла обязались не оказывать помощь их кузену Фердинанду Неаполитанскому и не чинить препятствий действиям французов в Италии.

Карл VIII отдал за это Перпиньян, графство Руссильон и Серданию, под которые Людовик XI ссудил Хуана Арагонского суммой в триста тысяч дукатов и не соглашался отдать их назад в установленный срок даже за эту сумму – настолько старый лис чувствовал важность этих ворот в Пиренеи, которые в случае войны мог запереть изнутри.

И наконец, по договору, заключенному 23 мая 1493 года в Санлисе, Максимилиан согласился простить Франции оскорбление, нанесенное ее королем.

За это Карлу пришлось расплатиться графствами Бургундским, Артуа, Шароле и синьорией Нуайе, полученными в качестве приданого за Маргаритой, а также городами Эр, Эден и Бетюн, которые он обязался возвратить Филиппу Австрийскому в день его совершеннолетия.

Благодаря этим жертвам молодой король замирился со всеми соседями и смог приступить к выполнению плана, предложенного ему Лодовико Сфорца, у которого, как мы уже говорили, он родился из-за отказа последовать его предложению – а все потому, что Пьеро Медичи желал продемонстрировать свои бесподобные драгоценности, а Джентиле – блеснуть красноречием.

Вот так суетность учителя и гордыня ученика перевернули мир от Тарентского залива до Пиренеев.

Александр VI, находившийся в центре этого землетрясения, но еще не ощутивший его первых толчков, воспользовался невольным смятением умов, чтобы начать опровергать сказанное в приведенной выше знаменитой речи, и сделал кардиналом своего племянника Джованни Борджа, который при его предшественнике был назначен архиепископом Монте-реальским и губернатором Рима. Повышение это прошло без каких-либо кривотолков ввиду прошлых заслуг его предмета и вселило в Александра VI искушение сделать Чезаре Борджа архиепископом Валенским, отдав ему должность, которую он сам занимал до того, как был избран папой. Но тут неожиданно возникла трудность со стороны благодетельствуемого. Горячий молодой человек, отличавшийся нравом и пороками капитана кондотьеров, испытывал серьезные трудности, когда напускал на себя вид добродетельного священника, однако, поскольку ему было известно от своего же отца, что все важные светские должности предназначены для его старшего брата, решил брать, что дают, из опасения не получить вообще ничего, и только ненависть его к Франческо еще усилилась: отныне тот был его соперником как в любви, так и в карьере.

³¹ *Генрих VII* (1457–1509) – английский король с 1485 г., первый из династии Тюдоров.

Внезапно, совершенно неожиданно для Александра VI, с ним стал заигрывать старый король Фердинанд. Папа был слишком умелым политиком, чтобы принимать эти заигрывания, не пытаясь выведать их причину, и вскоре выяснил, что замышлялось во Франции против Неаполитанского королевства. Все стало на свои места.

Теперь пришло время Александра ставить условия.

Он пожелал согласия на брак Гоффредо, своего третьего сына, с донной Санчей, внебрачной дочерью Альфонса.

В качестве приданого для молодого супруга он потребовал княжество Скуиллаче и графство Кариати, а также десять тысяч дукатов годового дохода и должность протонотария³² – одну из семи, независимых от власти короля.

Для своего старшего сына, которого Фердинанд Католик уже сделал герцогом Гандийским, Александр потребовал княжество Трикарико, графства Кьярамонте, Лаурию и Каринолу, а также двенадцать тысяч дукатов годового дохода и первую из семи главнейших должностей, которая только освободится.

Он потребовал, чтобы Вирджинию Орсини, его послу при Неаполитанском дворе, была дана третья, самая значительная из тамошних должностей – должность коннетабля.

И наконец, он потребовал, чтобы Джулиано делла Ровере, один из пяти кардиналов, возражавших против избрания Александра папой, и укrywшийся в Остии, – изображение украшающего его герб дуба, от латинского названия которого и произошла фамилия Ровере, до сих пор можно видеть на стенах многих домов в этом городе, – был изгнан из города и чтобы сам город был у него отобран.

Все требования Александра VI были удовлетворены.

Взамен папа обязался не отбирать у Арагонского дома Неаполитанское королевство, данное ему в качестве ленного владения. За одно лишь это обещание плата была дорога, но от него зависела законность власти Фердинанда: Неаполитанское королевство было вотчиной святейшего престола, и только папа мог принять решение о справедливости чьих-либо притязаний на него, поэтому подтверждение права на владение королевством было для Арагонской фамилии очень важно, особенно когда на него замахнулся Анжуйский дом.

Таким образом, всего через год после восшествия на папский престол Александр VI значительно расширил свою светскую власть. Лично он владел самой незначительной из итальянских территорий, однако, выдав дочь за владельца Пезаро, он одной рукой дотянулся до Венеции, а благодаря браку донны Санчи с князем Скуиллаче и территориальным приобретениям герцога Гандийского другой рукой дотянулся до оконечности Калабрии.

Как только был подписан этот важный для Александра договор, он сделал Чезаре кардиналом Санта-Мария-Новелла, ибо тот все время жаловался, что отец обходит его милостями.

А поскольку у церкви до сих пор не было прецедента, чтобы пурпурную мантию надевали на незаконнорожденного, папа обзавелся четырьмя лжесвидетелями, которые заявили, что Чезаре – сын графа Фердинанда Кастильского, и замечательный дон Мануэл Мелчори сыграл роль отца с тою же серьезностью, с какой прежде играл роль супруга.

Что же касается свадьбы двух бастардов – Гоффредо и донны Санчи, то она была обставлена с необычайной пышностью как со стороны королевства, так и со стороны церкви: папа пожелал, чтобы молодые жили рядом с ним, и новоиспеченный кардинал Чезаре Борджа взялся устроить им роскошный въезд в Рим, а Лукреция, пользовавшаяся неслыханным влиянием в курии, решила расстараться и со своей стороны. И вот брат встретил молодых великолепным эскортом из кардиналов и дворян, а сестра ждала их в зале Ватиканского дворца в окружении красивейших и благороднейших римских дам. Посреди залы стоял пап-

³² Протонотарий – сановник, регистрирующий указы государя и следящий за их рассылкой.

ский трон, у подножия которого на подушках расположились Лукреция и донна Санча; по словам Томмазо Томмази, и собрание, и беседы, ведшиеся там на протяжении нескольких часов, более пристали роскошному и сладострастному двору царя древней Ассирии, нежели суровой консистории первосвященника римского, обязанного во всех своих поступках блюсти святость своего имени. Однако, добавляет историк, если навечерие Троицына дня прошло столь благопристойным образом, то празднование следующего за ним дня сошествия Святого Духа отнюдь не в меньшей степени соответствовало духу церкви; вот что писал о нем в своем дневнике церемониймейстер курии:

«Папа отправился в храм Святых Апостолов, и подле него, за мраморным налоем, где каноники обычно читают апостольские послания и Евангелие, уселись Лукреция, его дочь, и Санча, его невестка, в окружении – к стыду церкви и ужасу народа – множества римских дам, место коим скорее рядом с Мессалиной, нежели в городе Святого Петра».

Итак, Рим и Неаполь дремали в ожидании будущей катастрофы, тратили время и деньги на курение благовоний собственной гордыне, тогда как Франция не только бодрствовала, но и потрясала факелами, которыми намеревалась поджечь Италию.

В захватнических намерениях Карла VIII уже больше никто не сомневался. Молодой король отправил в государства Италии посольство, в которое входили Перрон Баски, кардинал Брисонне, маршал д'Обиньи³³ и президент парламента Прованса. Задачей посольства были переговоры с итальянскими государями о помощи в деле возвращения неаполитанской короны Анжуйскому дому.

Первым делом посольство обратилось к венецианцам с просьбой о помощи и совете. Однако венецианцы, верные своей политике, за которую их прозвали иудеями христианского мира, ответили, что помощи молодому королю обещать не могут, поскольку им нужно быть все время начеку на случай нападения турок, а что касается совета, то с их стороны было бы самодовольством давать советы государю, окруженному опытными военачальниками и столь мудрыми министрами.

Не сумев больше ничего добиться от венецианцев, Перрон Баски отправился во Флоренцию. Пьеро Медичи ожидал его, окруженный множеством народа: по этому случаю он собрал не только Совет семидесяти, но и всех гонфалоньеров,³⁴ занимавших эту должность на протяжении последних тридцати четырех лет. Французский посол изложил свою просьбу: пропустить французские войска через территорию государства и за наличные деньги предоставить продовольствие и фураж. Ответ Флорентийской республики звучал так: если Карл VIII нападет не на Фердинанда, а на турок, она с радостью выполнит его просьбу, но, будучи связана с Арагонским домом союзническим договором, она не вправе нарушить его, предоставив королю Франции просимое.

Тогда посольство отправилось в Сиену. Маленькая, отнюдь не богатая республика, напуганная тем, что о ней вдруг вспомнили, ответила так: единственное ее желание – сохранить нейтралитет; будучи слишком слабой, чтобы заранее встать на чью-либо сторону, она позже просто будет вынуждена присоединиться к более сильному из соперников. Получив этот ответ, который, по крайней мере, был искренним, французские послы направили свои стопы в Рим, где явились к папе и попросили, чтобы тот отдал Неаполитанское королевство в ленное владение их королю.

Александр VI ответил, что, поскольку его предшественники уже передали Неаполь Арагонскому дому, он не видит возможности отменить это решение, не имея доказательств,

³³ Брисонне, Гийом (? — 1514) – французский кардинал и политический деятель; Обиньи, Роберт Стюарт (? — 1544) – маршал Франции английского происхождения.

³⁴ Гонфалоньер – глава городского магистрата.

что Анжуйский дом располагает на него большими правами. Затем он напомнил Перрону Баски о том, что Неаполь – вотчина святейшего престола и только папе принадлежит право выбирать ему правителя; поэтому, нападая на теперешнего его государя, французы тем самым нападают на самое церковь.

Итак, посольская миссия не помогла Карлу VIII, поэтому он решил рассчитывать лишь на своего союзника Лодовико Сфорца, а во всех остальных вопросах положиться на силу оружия.

Вскоре он узнал новость, которая лишь укрепила его в этом намерении: умер Фердинанд. Возвращаясь с охоты, старый король простудился, на него напал кашель, за два дня вконец его измотавший. 25 января 1494 года он скончался в возрасте семидесяти лет, просидев на троне тридцать шесть лет и оставив его своему старшему сыну Альфонсу, который тут же был объявлен престолопреемником.

Фердинанд не ошибался, когда называл себя счастливецом. Он покинул мир в тот момент, когда фортуна начала отворачиваться от его дома.

Новый король Альфонс был вовсе не новичком в бранном деле: ему уже доводилось успешно сражаться против Флоренции и Венеции, а также прогнать турок из Отранто; кроме того, он не хуже отца умел вести политические интриги, столь распространенные в те поры в Италии, и, не раздумывая, призвал в союзники врага, с которым находился в состоянии войны, когда со стороны Карла VIII ему стала грозить опасность. Мы говорим о султани Баязиде II.

С этой целью он направил к Баязиду Камилло Пандоне, одного из своих доверенных министров, дабы тот внушил турецкому султану, что для короля Франции поход в Италию – лишь предлог, чтобы оказаться поближе к завоеванным турками землям, и что, выйдя на побережье Адриатики, Карл VIII за день-два доберется до Македонии, откуда сможет двинуться сушей на Константинополь. В конце концов он попросил у Баязида шесть тысяч всадников и столько же пехотинцев, которым обязался платить жалованье все время, пока они будут находиться в Италии. В Таренто к Пандоне должен был присоединиться Джордже Бучарда, посол Александра VI, которому тоже было поручено заручиться помощью турок, но уже от имени папы. Тем временем в ожидании ответа султана, который мог тянуть с ним месяцами, Альфонс предложил встретиться с Пьеро Медичи и папой, чтобы обсудить неотложные проблемы. В условленный день все три заинтересованных стороны собрались в Виковаро, близ Тиволи.

Перед отъездом из Неаполя Альфонс уже распорядился своими морскими силами и возложил на своего брата Федерико командование флотом, состоявшим из тридцати пяти галер, двадцати восьми больших и двенадцати малых судов, с которым тот должен был стоять в Ливорно и наблюдать за флотом, снаряжаемым Карлом VIII в Генуе. Поэтому на встречу он приехал лишь затем, чтобы договориться с союзниками об операциях на суше. Сам он располагал ста эскадронами тяжелой кавалерии по двадцать всадников в каждом и тремя тысячами арбалетчиков и легкой конницы. Он предложил немедленно двинуться на Ломбардию, совершить там переворот в пользу его племянника Галеаццо и прогнать Лодовико Сфорца из Милана, прежде чем тот получит помощь из Франции. Таким образом, перейдя через Альпы, Карл VIII встретится с врагом и будет вынужден принять сражение, вместо того чтобы найти там союзника, обещавшего ему свободный проход, людей и деньги.

Это было предложение толкового политика и отважного военачальника, однако, поскольку каждый из собравшихся интересовался скорее собственной выгодой, нежели общим благом, Пьеро Медичи встретил совет без особого восторга, поскольку намеревался играть во время войны ту же роль, какую угрожал исполнить при совместном въезде в Рим четырех послов. Александр же VI вообще отверг предложение Альфонса, так как рассчитывал использовать его войска в собственных целях. Он напомнил Неаполитанскому королю,

что одним из условий получения обещанного лена было изгнание кардинала Джулио делла Ровере из Остии и передача этого города папскому престолу. Кроме того, милости, оказанные Вирджинию Орсини папскому послу в Неаполе, восстановили против этого фаворита Александра VI Просперо и Фабрицио Колонна, которым принадлежали почти все деревни в окрестностях Рима. А папа не может жить в окружении столь могущественных врагов, поэтому его необходимо поскорее от них избавить – ведь нет ничего важнее спокойствия того государства, которое есть голова и душа их союза, тогда как остальные – его тело и члены.

Хотя Альфонс прекрасно понял, почему Пьеро Медичи остался равнодушен к его предложению, а папа даже не дал ему труда доискиваться до его мотивов, он все же чувствовал себя обязанным считаться с волей союзников и предоставить одному защищать Апеннины от французов, а другому помочь расправиться с соседями. В результате он поспешил осадить Остию и передал Вирджинию, уже командовавшему папским отрядом из двухсот человек, часть своей кавалерии; это небольшое войско должно было разместиться вокруг Рима и держать семейство Колонна в повиновении. Остальные же силы он разделил на две части: первая под командованием его сына Фердинанда должна была отправиться в Романью и поторопить там владетелей небольших государств с предоставлением обещанных солдат, а с другой частью он собирался оборонять ущелья Абруцких гор.

В три часа утра 23 апреля Александр VI избавился от своего главного и заклятого врага: Джулиано делла Ровере, не видя более возможности сопротивляться войскам Альфонса, сел на борт бригантины, которая должна была доставить его в Савону.

Что же до Вирджинию Орсини, то с этого дня он начал ту знаменитую партизанскую войну, которая превратила римскую Кампанью в самую поэтическую на свете пустыню.

Тем временем Карл VIII сидел в Лионе, испытывая неуверенность не только насчет пути, каким его войску следует идти на Рим, но и относительно шансов на успех всего похода. Он ни у кого не встретил поддержки, за исключением Лодовико Сфорца, и теперь размышлял, не придется ли ему вместо одного Неаполитанского королевства воевать со всей Италией. На подготовку к войне Карл истратил почти все имевшиеся в наличии деньги, г-жа Божэ³⁵ и герцог Бурбонский открыто порицали его за это предприятие, советник Брисонне отказал ему в поддержке, и Карл, окончательно потеряв уверенность, отдал было уже выступившим частям приказ остановиться, когда изгнанный папой из Италии кардинал Джулиано делла Ровере прибыл в Лион и явился к королю.

Полный ненависти и упований кардинал увидел, что Карл VIII уже готов отступить от замысла, с которым лютый враг Александра VI связывал все свои надежды на отмщение. Тогда он рассказал Карлу VIII о раздорах в стане врагов, указав их причиной гордыню Пьеро Медичи и желание папы возвеличить свой дом. Затем напомнил о снаряженных судах в Вильфранше, Марселе и Генуе, которые в случае отказа от похода никому не будут нужны, и сообщил, что уже отправил своего обер-шталмейстера Пьетро Урфе, чтобы тот приготовил во дворцах Спинолы и Дория роскошные покои для короля. Наконец он расписал, какие насмешки и позор ждут короля, если он откажется от предприятия, о котором трубил направо и налево и для осуществления которого пришлось заключить три постыдных мира: с Генрихом VII, Максимилианом и Фердинандом Католиком. Джулиано делла Ровере рассудил мудро, когда затронул гордость молодого короля: теперь Карл VIII отбросил все сомнения. Он тут же велел своему кузену герцогу Орлеанскому, будущему Людовику XII,³⁶ принять командование над французским флотом и отвести его в Геную, послал гонца к Антуану де Бессе, барону Трикастельскому, с приказом направиться в Асти во главе двух тысяч швей-

³⁵ Анна Французская (1462–1522), дочь Людовика XI, старшая сестра Карла VIII и супруга герцога Бурбонского.

³⁶ Людовик XII (1462–1515) – король Франции с 1498 г.

царских пехотинцев, которых тот набрал в кантонах, а сам 23 августа 1494 года, выступив из Вьенны в Дофине, перешел через Альпы в районе Женевы, причем ни один вражеский отряд не попытался воспрепятствовать этому переходу, и вторгся в Пьемонт и Монферрато, княжества, управлявшиеся в ту пору регентами, поскольку их государям, Карлу-Иоанну Возлюбленному и Вильгельму Иоанну, было соответственно шесть и восемь лет.

Оба регента явились к Карлу VIII – один в Турин, другой в Касале – во главе блестящих и многочисленных свит, одежды обоих были усыпаны драгоценностями. Карл VIII, знавший, что, несмотря на этот дружественный прием, оба они связаны договором с его врагом Альфонсом Неаполитанским, принял регентов весьма учтиво, и когда те рассыпались перед ним в уверениях дружбы, попросил доказать ее на деле и отдать ему в долг усыпавшие их платье бриллианты. Регентам ничего не оставалось, как согласиться с предложением, которое для них было равносильно приказу. Они сняли с себя ожерелья, перстни и серьги, а Карл, дав им расписку на двадцать четыре тысячи дукатов, отправился с полученными деньгами в Асти, независимость которой сохранил герцог Орлеанский. Там к нему присоединились Лодовико Сфорца и его тесть Эрколе д'Эсте, герцог Феррарский, которые захватили с собою не только обещанные войска и деньги, но и двор, состоявший из красивейших женщин Италии.

Начались балы, празднества и турниры, своим великолепием превосходившие все, что видела страна до сих пор. Однако вскоре их прервал внезапный недуг короля. Это был первый в Италии случай заразного заболевания, привезенного Христофором Колумбом из Нового Света, которое итальянцы называют французской болезнью, а французы – итальянской. Вполне возможно, что кто-то из матросов Колумба родом из Генуи или ее окрестностей привез из Америки эту хворь как необычную и жесткую расплату за золотые копи.

Впрочем, заболевание короля оказалось не столь серьезным, как того опасались вначале. Через несколько недель он выздоровел и отправился в Павию, куда удалился умирать молодой герцог Джан Галеаццо. Они с королем Франции были двоюродными братьями, сыновьями двух сестер из Савойского дома, и Карл VIII не мог не повидать брата; потому-то он и отправился в замок, где Джан жил скорее как пленник, чем как государь. Он лежал на постели изможденный и бледный – от чрезмерных удовольствий, как утверждали одни, или от медленно действующего смертельного яда, по мнению других. Но при всем сострадании, которое он возбуждал, молодой человек не осмелился ничего сказать, поскольку его дядя Лодовико Сфорца ни на секунду не покидал французского короля. Когда же Карл VIII собрался уходить, дверь распахнулась, и какая-то молодая женщина бросилась в ноги к королю: это была жена несчастного Джан Галеаццо, явившаяся умолять кузена отказаться от вражды с отцом ее мужа Альфонсом и братом Фердинандом. Завидя ее, Сфорца грозно насупил брови, не зная, какое впечатление произведет эта сцена на его союзника, однако волнения его оказались напрасны: Карл ответил, что уже слишком далеко зашел, чтобы идти на попятный, и что на карте стоит слава его дома, равно как благо королевства, а столь важными обстоятельствами он не в силах пренебречь, хотя испытывает к кузену подлинную жалость. Бедная женщина, для которой Карл был последней надеждой, поднялась с колен и с рыданиями бросилась в объятия мужа. Карл VIII и Лодовико Сфорца вышли; Джан Галеаццо был обречен.

На следующий день Карл VIII вместе со своим союзником отправился во Флоренцию, но едва они добрались до Пармы, как прискакавший гонец объявил Лодовико Сфорца, что его племянник скончался. Дядюшка извинился перед Карлом за то, что тому придется продолжать путь в одиночестве, поскольку весьма важные дела настоятельно требуют его немедленного возвращения в Милан. На самом же деле он спешил захватить престол, освободившийся после убитого им человека.

Карл VIII продолжал путь не без некоторого беспокойства. Вид умирающего государя весьма смутил его: в глубине души он верил, что молодого человека умертвил Лодовико

Сфорца, а ведь кто убил, тот может и предать. Карл двигался по незнакомой стране, имея впереди явного врага, а позади сомнительного друга; начались горы, а так как со снабжением его войск дело обстояло не самым блестящим образом и они ежедневно вынуждены были добывать себе пропитание, малейшая остановка в пути могла привести к голоду. Перед ним лежало Фивиццано, впрочем, представлявшее собою лишь обнесенное стенами село, но вот дальше находились Сарцана и Пьетра-Санта, считавшиеся неприступными крепостями; более того, войска входили в места с нездоровым климатом, особенно в октябре, в края, где не производилось ничего, кроме растительного масла, и зерно приходилось ввозить из соседних провинций, так что за несколько дней вредные испарения и голод могли нанести армии больший урон, чем даже сопротивление местных жителей. Положение было серьезным, однако на помощь Карлу VIII вновь пришла гордыня Пьеро Медичи.

Как мы уже говорили, Пьеро Медичи взялся преградить доступ французам в Тоскану, но, увидев спускающегося с гор врага, потерял веру в собственные силы и попросил у папы подкрепления. Однако, как только слух о вторжении французов распространился по Романье, Колонна объявили себя солдатами французского короля и, собрав все свои силы, захватили Остию, где стали ждать французский флот, чтобы потом обеспечить ему проход до Рима. Тогда папа вместо того, чтобы послать войска во Флоренцию, был вынужден стянуть их в столицу, а Пьеро Медичи пообещал отдать в его распоряжение солдат, посланных Баязидом, если тот, разумеется, сдержит свое обещание. Не успел Медичи принять какое-либо решение и выработать план действий, как до него дошли две следующие весьма неприятные вести. Один из его завистливых соседей, маркиз Тординово, показал французам слабое место укреплений Фивиццано, и те, взяв поселение штурмом, предали мечу всех его защитников и жителей. С другой стороны, Жильбер де Монпансье, находившийся со своими людьми в дозоре на берегу моря и охранявший пути сообщения между французской армией и флотом, натолкнулся на отряд, посланный Паоло Орсини для укрепления гарнизона Сарцаны, и после часовой схватки разбил его наголову. Он не пощадил ни единого пленника и уничтожил всех, кого только смог догнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.